

Информационные войны и будущее.

Оглавление

Глава 1. Информационная война - что это такое?

Глава 2. Реалии информационной войны.

Глава 3. Защита гражданского общества от информационного оружия в XXI веке.

Глава 4. Рука так и тянется к кобуре...

Глава 5. Общество и насилие.

Глава 6. Парадокс эры науки.

Глава 7. Три источника и три составные части нынешней ситуации.

Глава 8. От насилия к терпимости.

Глава 1. Информационная война - что это такое?

Информационная война - всеобъемлющая, целостная стратегия, обусловленная все возрастающей значимостью и ценностью информации в вопросах командования, управления, политики, экономики и общественной жизни.

Время и события побуждают серьезно поразмыслить над поставленным в названии статьи вопросом: безопасности информационных систем угрожают не только и не столько несовершеннолетние хакеры и недовольные сотрудники. Появление этого термина означает, что предстоит столкнуться с менее проработанной, но несомненно более серьезной угрозой со стороны внешних и внутренних враждебных сил. Обратимся к источникам в США.

Опубликованное "Пособие Института компьютерной безопасности по компьютерной преступности и информационной войне: существующие и потенциальные угрозы" вызвало многочисленные отклики экспертов по информационной безопасности из частного сектора, академических кругов, правоохранительных органов и военных ведомств, органов национальной безопасности. Комитет по правительственным делам Сената США проводит серию слушаний по компьютерной безопасности. Совсем

недавно стало известно, что Администрация Клинтона намерена сформировать специальную группу в Министерстве юстиции под названием "Группа обеспечения кибербезопасности" (Cyber Security Assurance Group), призванную оказывать содействие в защите компьютеров от нападений в информационном пространстве, реагировать на чрезвычайные ситуации и расследовать любые диверсии кибертеррористов. Комиссия представителей органов национальной безопасности в течение года должна выработать программу контроля безопасности киберпространства. Итак, "информационная война" - новомодное словечко или это понятие пополнит лексикон информационной безопасности? Мартин Либки из Университета национальной обороны высказался так: *"Попытки в полной мере осознать все грани понятия информационной войны напоминают усилия слепых, пытающихся понять природу слона: тот, кто ощупывает его ногу, называет ее деревом; тот, кто ощупывает хвост, называет его канатом и так далее. Можно ли так получить верное представление? Возможно, слона-то и нет, а есть только деревья и канаты. Одни готовы подвести под это понятие слишком много, другие трактуют какой-то один аспект информационной войны как понятие в целом..."*. Это мнение свидетельствует о том, что окончательная формулировка пока не выкристаллизовалась, но процесс идет. Так что же думают по этому поводу штатские? Что говорят и делают военные?

Определение и сфера действия.

Следует отличать информационную войну от компьютерной преступности. Любое компьютерное преступление представляет собой факт нарушения того или иного закона. Оно может быть случайным, а может быть специально спланированным; может быть обособленным, а может быть составной частью обширного плана атаки. Напротив, ведение информационной войны никогда не бывает случайным или обособленным (и может даже не являться нарушением закона), а подразумевает согласованную деятельность по использованию информации как оружия для ведения боевых действий - будь то на реальном поле брани, либо в экономической, политической или социальной сферах.

Театр информационных боевых действий простирается от секретного кабинета до домашнего персонального

компьютера и ведется на различных фронтах. Электронное поле боя представлено постоянно растущим арсеналом электронных вооружений, преимущественно засекреченных. Говоря военным языком, они предназначены для боевых действий в области командования и управления войсками, или "штабной войны". Последние конфликты уже продемонстрировали всю мощь и поражающую силу информационных боевых действий - война в Персидском заливе и вторжение на Гаити в прошлом году. Во время войны в Персидском заливе силы союзников на информационном фронте провели комплекс операций в диапазоне от старомодной тактики разбрасывания пропагандистских листовок до вывода из строя сети военных коммуникаций Ирака с помощью компьютерного вируса.

Атаки инфраструктуры наносят удары по жизненно важным элементам, таким как телекоммуникации или транспортные системы. Подобные действия могут быть предприняты геополитическими или экономическими противниками или террористическими группами. Примером служит вывод из строя междугородной телефонной станции компании AT&T в 1990 году. В наши дни любой банк, любая электростанция, любая транспортная сеть и любая телевизионная студия представляют собой потенциальную мишень для воздействия из киберпространства.

Промышленный шпионаж и другие виды разведки грозят великим множеством тайных операций, осуществляемых корпорациями или государствами в отношении других корпораций или государств; например, сбор информации разведывательного характера о конкурентах, хищение патентованной информации и даже акты саботажа в форме искажения или уничтожения данных или услуг. Иллюстрацией этой угрозы служит документально доказанная деятельность французских и японских агентов на протяжении восьмидесятих годов.

Сбор разведывательной информации также выходит на новые рубежи. Лаборатория Линкольна в Массачусетском технологическом институте разрабатывает аппарат для воздушной разведки размером с пачку сигарет. Другая лаборатория работает над химическими веществами, которые можно ввести в провизию неприятельских войск, чтобы позволить датчикам отслеживать их перемещение по дыханию или выделению пота.

Конфиденциальность все более уязвима по мере появления возможности доступа к постоянно растущим объемам информации в постоянно растущем числе абонентских пунктов. Важные персоны таким образом могут стать объектом шантажа или злобной клеветы, и никто не гарантирован от подложного использования личных идентификационных номеров.

Опасности, подстерегающие отдельных граждан, проиллюстрируем недавним инцидентом, когда кандидату в парламентарии от Австралийской партии труда пришлось отвечать на вопросы следственных работников, обнаруживших его имя и телефонный номер в списках подпольной телефонной станции как одного из источников поступления украденных телефонных карт компании AT&T.

Как бы то ни было, термин "информационная война" обязан своим происхождением военным и обозначает жестокую и опасную деятельность, связанную с реальными, кровопролитными и разрушительными боевыми действиями. Военные эксперты, сформулировавшие доктрину информационной войны, отчетливо представляют себе отдельные ее грани: это штабная война, электронная война, психологические операции и так далее.

Следующее определение вышло из стен кабинета Директора информационных войск Министерства обороны: *"Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем. Информационная война представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов вооруженными силами и реализации национальной политики. Информационная война нацелена на все возможности и факторы уязвимости, неизбежно возникающие при возрастающей зависимости от информации, а также на использование информации во всевозможных конфликтах. Объектом внимания становятся информационные системы (включая соответствующие линии передач, обрабатывающие центры и человеческие факторы*

этих систем), а также информационные технологии, используемые в системах вооружений. Информационная война имеет наступательные и оборонительные составляющие, но начинается с целевого проектирования и разработки своей "Архитектуры командования, управления, коммуникаций, компьютеров и разведки", обеспечивающей лицам, принимающим решения, осязаемое информационное превосходство во всевозможных конфликтах".

Многие ведущие стратеги полагают, что противостояние армий, погибающих на полях генеральных сражений, очень скоро займет свое место на свалке истории рядом со шпорами и арбалетами. Высшая форма победы теперь состоит в том, чтобы выигрывать без крови. В то же время довольно трудно представить боевые действия как игру на видеоприставке без страха и боли.

Каждый род войск создал в Пентагоне свою собственную рабочую группу по проблемам информационных боевых действий. "Форс 21" - название проекта полной модернизации вооружений и организационной перестройки, успешная реализация которого сулит появление абсолютно новых сухопутных войск США, в которых солдаты, танковые экипажи, пилоты вертолетов и командиры будут в мгновение ока получать информацию с полей сражений с помощью портативных или настольных компьютеров. Такие сухопутные силы обладали бы способностью наблюдать события в масштабе реального времени, и командование имело бы возможность четко и быстро принимать решения и действовать. Вооруженные силы США намерены фундаментально подготовиться к вступлению в грядущий информационный век.

В соответствии с проектом "Форс 21", сенсорные устройства "Глобальной системы ориентации" используют спутниковую информацию для определения местонахождения личности. В сухопутных войсках разрабатывают новые системы коммуникаций, радары и имитационные модели с тем, чтобы в любой момент операции буквально каждый от окопа до штаба знал, где он находится, где дислоцировано его подразделение, где расположился противник и какими должны быть наилучшие варианты действий.

Один американский научно-исследовательский коллектив в следующем году представит новый боевой шлем "воина двадцать первого века", оснащенный микрофонами и

головными телефонами для связи, прибором ночного видения и датчиками теплового изображения, а также дисплеем перед глазами, который предоставит корректировки дислокации и разведывательные данные. Так видится сегодня идеальная модель. Но чтобы модернизировать арсеналы сухопутных войск, суммы, выделенные на закупки вооружений, должны быть увеличены почти в три раза и составить 21 млрд. долларов. Вряд ли скоро найдутся такие средства, а кроме того, конкуренцию сухопутным войскам составляют военно-морской флот, военно-воздушные силы, морская пехота.

В настоящее время каждый вид вооруженных сил имеет свой собственный специализированный центр: например, Центр информационных боевых действий Военно-воздушных сил США (AFIWC) расположен на военно-воздушной базе Келли в штате Техас, а Служба наземных информационных боевых действий Армии США (LIWA) находится в Форт Белвуар, штат Вирджиния.

Задачи Центра AFIWC состоят в том, чтобы "создавать средства ведения информационной войны в поддержку операций; планировать кампании, приобретать и испытывать оборудование, защищать военно-воздушные штабы от нападения". С этой целью Центр обучает, экипирует и развертывает группы реагирования, разрабатывает и поддерживает базы данных и прикладные программы, проводит анализ уязвимости электронных систем военно-воздушных сил. Усилиями сотрудников Центра AFIWC создана Распределенная система определения вторжений (DIDS), которая выявляет злоупотребления компьютерными системами, отслеживает бюджеты пользователей, род занятий и место их происхождения; обеспечивает централизованный доступ к информации о состоянии безопасности той или иной системы и распределяет обработку проверяемых данных; фактически, это инструмент администраторов сетей и сотрудников служб компьютерной безопасности.

В сентябре 2000 года стало известно, что комиссия Европейского Союза, расследующая деятельность возглавляемой американцами системы глобального шпионажа "Эшелон", в ближайшие месяцы вызовет для слушаний главу Агентства Национальной безопасности США. В состав комиссии входит 36 человек.

В течении следующих 8 месяцев комиссия должна установить нарушает ли система "Эшелон" права граждан на частную жизнь, а также выработать ряд рекомендаций по предотвращению возможности таких действий. В частности, Европейский Союз уже сейчас собирается выработать новые правила для шифрования информации.

"Эшелон" (Echelon) - суперсекретная сеть глобального электронного надзора, которой управляет американское Агентство Национальной безопасности (NSA) по договоренности с правительствами Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Как полагают, "Эшелон" способен перехватывать любые международные звонки, факсы, радиопередачи, а также электронную почту. При этом "Эшелон" использует специальный набор ключевых слов и фраз для "отлова" сообщений на определенные темы. Система "Эшелон" была создана после Второй мировой войны для слежения за системами телекоммуникаций Советского Союза. Теперь, когда опасность советской угрозы миновала, появились свидетельства, что система "Эшелон" используется для коммерческого шпионажа, а также для глобального надзора за обычными гражданами.

Таким образом, под угрозой информационной войны понимается намерение определенных сил воспользоваться поразительными возможностями, скрытыми в компьютерах, на необозримом кибер-пространстве, чтобы вести "бесконтактную" войну, в которой количество жертв (в прямом значении слова) сведено до минимума. *"Мы приближаемся к такой ступени развития, когда уже никто не является солдатом, но все являются участниками боевых действий, - сказал один из руководителей Пентагона. - Задача теперь состоит не в уничтожении живой силы, но в подрыве целей, взглядов и мировоззрения населения, в разрушении социума".*

Гражданская информационная война может быть развязана террористами, наркотическими картелями, подпольными торговцами оружием массового поражения. Крупномасштабное информационное противостояние между общественными группами или государствами имеет целью изменить расстановку сил в обществе.

Поскольку такая война связана с вопросами информации и коммуникаций, то если смотреть в корень, это есть война за знания - за то, кому известны ответы на

вопросы: что, когда, где и почему и насколько надежными считает отдельно взятое общество или армия свои знания о себе и своих противниках. Вот недавний пример. В марте 1996 года один из американских университетов обнародовал в Internet страницы секретной информации с описанием британских военных объектов в Северной Ирландии. Доступ к этому абонентскому пункту можно получить из любой точки земного шара и узнать подробные данные об армейской аппаратуре в Северной Ирландии, адреса предполагаемой базы службы МИ-5 и двух опорных пунктов Штаба верховного главнокомандования. Адреса директора и координатора разведывательной службы приводятся вместе с картой, демонстрирующей все военные базы и подробности операций британского экспедиционного корпуса.

Позже, правда, абонентский пункт был удален из главного компьютера Университета штата Техас, и при этом сообщалось, что указанная информация была предоставлена партией Шин фейн. Очевидно, что фактически партия располагает гораздо большими сведениями и, скорее всего, не преминет извлечь из этого максимальную пользу.

Истоки и статус доктрины.

В последней четверти уходящего столетия возникло и развивается положение о том, что в своем развитии человечество одолело "первую волну" (сельскохозяйственную), которая началась 10000 лет назад, и "вторую волну" (промышленную), которая началась 300 лет назад, что каждая из этих волн принесла цивилизации революционные изменения; в настоящее время идет "третья волна" (технологическая), которая, как и в первых двух случаях, должна принести свою экономику, свою структуру семьи, свои средства массовой информации, свои политические институты, равно как и свой собственный период болезненного и хаотичного становления и, конечно же, свой способ и характер ведения войны.

Осознание этих процессов привело к возникновению термина информационная война. Но понятия, используемые для определения и изучения информационной войны и ее последствий, все еще не устоялись и могут измениться в результате иной классификации в будущем. Пожалуй, потребуются новые законодательные акты и не исключено, что придется переписать все международные законы и договоры.

Давайте сыграем.

Стратеги информационной войны играют в военные игры. Они придумывают сценарии атаки и обороны вероятных целей как в военной системе командования и управления, так и в телекоммуникациях, на транспорте и других жизненно важных объектах национальной инфраструктуры. Вот некоторые из целей для ведения боевых действий, которые появились в ходе игры "По проводам" (июль/август 1993 года):

- Коммутатор "Кулпеппер" в Кулпеппере, штат Вирджиния. Эта электронная станция обрабатывает все перечисления федеральных средств и операции с ними.
- Трубопровод на Аляске, по которому передается 10% всей нефти для внутреннего потребления США.
- Система электронной коммутации (ESS) управляющая всей телефонией.
- Internet - коммуникационный каркас науки и индустрии.
- Система распределения времени - все крупные системы зависят от точного времени.
- Всемирная система военного командования управления (WWMCCS), которая особо уязвима для "мягких" атак.
- Большой голубой куб" рядом с Моффет-филд в Маунтин Вью, штат Калифорния - Тихоокеанский центр анализа и синтеза информации космической разведки.

Приоткроем содержание некоторых сценариев. Для атаки коммутатора "Кулпеппер" достаточно запрограммировать телефонные станции по всей территории Соединенных Штатов на подключение по всем исходящим телефонным линиям к коммутатору "Кулпеппер". Тем самым создается перегрузка телефонных линий, прекращение всех перечислений на длительный период и возникает необходимость крупномасштабной модификации всех систем, перечисляющих средства через этот коммутатор. Для защиты коммутатора следует перепрограммировать национальную коммутационную сеть так, чтобы она отвергала несанкционированные прямые связи на местном

уровне, распределяя бремя отвергнутых вызовов по всей стране.

Для атаки на Internet можно открыть несколько сотен бюджетов на подставных лиц в машинах разнообразных коммерческих поставщиков и заставить эти машины рассылать всю электронную корреспонденцию из сотен списков рассылки по всем остальным спискам адресатов. Это привело бы к автоматической перерегистрации миллионов сообщений в стремительно расширяющемся цикле обратной связи, затрагивающем сотни тысяч компьютеров, - их диски забиты ненужной электронной корреспонденцией, а сеть - массой сообщений, отправленных по ненужным адресам. Для защиты сети необходимо воспользоваться средствами обнаружения злоупотреблений, выявить модели, создающие указанные проблемы, и запретить ньюс-группам передавать материалы без разрешения в явной форме. Еще лучше допускать конференции только с ограниченным числом участников.

Оборонительная составляющая.

Основными догматами оборонительных информационных боевых действий являются защита, обнаружение и реагирование. Защита обеспечивается фундаментальной информационной безопасностью. Обнаружение все еще является нерешенной проблемой. (Как, например, телефонная компания реально может определить, что она подверглась атаке?) Реагирование невозможно без осмотрительности. Прежде чем реагировать, уместно выяснить, не идет ли речь лишь о каком-то недоросле, который повел свою атаку, к примеру, из Германии, проникнув на один из немецких абонентских пунктов?

Во всяком случае, на фронте информационной безопасности ведется обширная работа. В США существуют различные проекты "Национальной информационной инфраструктуры", "Глобальной информационной инфраструктуры".

Рабочую группу (Аннаполис, штат Мэриленд), разрабатывающую предложения по национальной политике в области оборонительных информационных боевых действий, возглавляет заместитель министра обороны Эммет Пейдж. Перед группой поставлена задача создать программу мероприятий, устраняющих угрозы жизненно важным

системам командования, управления и коммуникаций. По завершении войны в Персидском заливе армейские стратеги ощутили настоятельную потребность в подобной разработке. Противник на себе смог оценить технические новинки и теперь угрожает повернуть наше оружие против нас. Дело в том, что, по некоторым оценкам, в Internet действуют 150 000 военных компьютеров, и 95% военных линий связи проходят по тем же телефонным линиям, которыми вы и я пользуемся ежедневно. Лишь 30% телекоммуникационных сетей, которые в данный момент предназначены для использования в случае военных действий, относятся к категории засекреченных, а остальные 70% приходятся на MCI, "Спринт", детскую сеть "Беллс", "Белкор" и другие коммерческие предприятия.

На заре компьютерной безопасности основу всех директив федерального правительства и Министерства обороны составляло требование закрыть на замок тот или иной главный процессор. Но за последние 10 лет конфигурация сетей изменилась: ныне она призвана обеспечить взаимосвязь всего оборудования внутри сети и внешнюю связь с остальным миром (например, CNN в режиме диалога по Internet). При этом ценность информации неизмеримо возрастает. Полагаться на старый подход типа "посидим в компьютерном зале и посторожим центральный процессор" уже не приходится; необходимо изучать абсолютно все электронные устройства, чтобы, получить представление об их потенциальном влиянии - модемную связь, связь по Internet, факсимильную связь, телефонную связь, кабели и провода. Когда каждый связан с каждым, это означает зависимость каждого от всех.

Реализация нового подхода возлагается на новое поколение. Каждый из 32 студентов учебного класса Университета национальной обороны в Вашингтоне выглядит практически точно так же, как любой учащийся. Но эта группа серьезных юношей и девушек, специально отобранных из всех подразделений вооруженных сил, является авангардом революции в военном деле и обещает переписать заново тактику и стратегию будущих военных конфликтов. Эти студенты, сканирующие Internet на своих портативных компьютерах, представляют первое поколение кибернетических воинов. Их обучение - всего лишь часть подготовительных мероприятий Пентагона к тому дню, когда разразятся сражения между войсками, находящимися на

расстоянии тысяч миль друг от друга; их оружие - клавиатура, с помощью которой они разрушают неприятельские коммуникации, манипулируют их средствами информации и крушат их финансовые системы.

Министерство обороны США "рассматривает оборонительные информационные боевые действия как нечто большее, но одновременно и использующее традиционные подходы типа COMPSEC, COMSEC, OPSEC, или даже INFOSEC. Способность противостоять нападению подразумевает применение всех этих подходов, но что более важно, включает в себя интегрированные средства защиты, обнаружения и реагирования. Защита от вторжений и злоупотреблений требует эффективных механизмов идентификации и аутентификации, высоконадежных брандмауэров, равно как и методов проверки и отслеживания".

При этом в Министерстве обороны полагают, что по мере повышения уровня знаний о возможных рисках и факторах уязвимости, исследования и выработка технических и методических решений для защиты, отражения, обнаружения и реагирования на случай агрессии будут в значительной степени отданы на откуп частному сектору. Взаимодействие государственного и частного сектора могло бы служить взаимному обогащению в результате разнообразия подходов в процессе совместной деятельности.

Полемика.

Однако существуют и другие взгляды на проблему. Высказываются мнения о том, что "информационная война" - это способ остаться на плаву людям, которые ищут, чем бы заняться после окончания холодной войны и, так или иначе, оправдывать расходные статьи бюджета. Им требуются новые точки приложения сил, вот они и стремятся стать активными участниками проектов в сфере электронной информации, с которыми выступила нынешняя администрация. Более того, акцент на оборонительные информационные боевые действия используется как предлог добиться давно желанного безраздельного господства в других, гражданских сферах компьютерной безопасности и технологического развития.

Оппонент: *"В Министерстве обороны преследуют двоякую цель. Они хотят получить возможность развязать*

агрессивные информационные боевые действия и в то же время не желают появления мощных средств защиты, особенно таких, которые используются в коммерческих продуктах и которые умерили бы их пыл при ведении такого рода действий. А решения, которые они пытаются навязать коммерческим поставщикам и американскому обществу в целом, сильно смахивают на известные сценарии "Клиппер" или "Кэпстоун", когда позиция государства выражена примерно так: "Мы обеспечим вам эффективные средства защиты, но в то же время хотим иметь возможность обходить эти средства или получать к ним доступ весьма удобным для нас способом".

Маркус Ранум из компании "Информейшн Уоркс" (Балтимор, штат Мэриленд), разработчик брендмауэров, который создал "DEC SEAL", "NIS Gauntlet" и комплект для брендмауэра TIS ("FWTK"), не признает некоторых предпосылок рекламируемой информационной войны:

"Огромная масса материалов, посвященных информационной войне, высосана из пальца. Например, "информационная война", финансируемая террористами. Теоретически, иранские террористы (которые по ряду причин обогнали развитие технологии) собираются сокрушить Уолл Стрит. При этом абсолютно никто не понимает, чем именно угрожают террористы и какого рода средства они используют. Думаю, что если какой-то террорист захочет посеять панику на Уолл Стрит, он не станет это делать с помощью компьютеров, а выведет из строя электросеть. Если террорист намерен снести здание NASDAQ, то он заложит бомбу на торговом этаже, поскольку никто не оставит это событие без внимания: репортеры из CNN постараются усугубить драматизм ситуации. Терроризм - государственный или любительский - связан с самыми сенсационными, громкими и ужасающими разрушениями, чего не скажешь, по мнению большинства людей, о "тихих" компьютерных диверсиях. После сильного взрыва, среди клубов дыма, вряд ли кто заметит: "Ничего страшного, сломался один из трассировщиков".

События со взрывами в московских троллейбусах и метро, на воронежском вокзале, в парке Атланты во время Олимпиады, к сожалению, подтверждают такое мнение.

Сотрудники Института компьютерной безопасности, которым доверено стоять на страже целостности,

конфиденциальности и доступности информационных систем около 500 корпораций, бесчисленного множества государственных органов и ведущих университетов убеждены, что информационная война в конечном счете нацелена на экономику в мировом масштабе. А потому особенно актуальны информационные действия оборонительного характера в современной глобальной экономике.

В марте президент США Б.Клинтон подписал распоряжение, которое устанавливает приоритетные направления в сборе информации. Была создана рабочая группа, призванная периодически пересматривать как указанные приоритеты, так и сведения, подлежащие сбору в соответствии с ними. Экономический шпионаж оказался где-то посередине краткого списка приоритетных направлений Клинтона, занимая место после угрозы распространения ядерных вооружений, международных террористических организаций и региональных "горячих" точек, но перед здравоохранением и охраной окружающей среды.

К июлю источники из разведывательных органов уже успели доложить об успехах ЦРУ в экономическом шпионаже, включая информацию, позволившую добиться успеха на торговых переговорах с Японией и другими странами. Если говорить о внутреннем фронте, то несколько историй, связанных с хищением патентованной информации и промышленных секретов, в конечном счете, попали на первые полосы крупнейших газет.

ФБР пришлось перерыть горы мусора, чтобы пресечь деятельность агентурной сети в Силиконовой долине, которая занималась хищением промышленных секретов у одной компании и их сбытом другой. В другом случае, бывший инженер компании "Локхид", работавший над совершенно секретным проектом "Скунс", был арестован при попытке продать секретную информацию в ходе операции, проведенной ФБР с подставным лицом.

Человеческий фактор.

Информация становится исключительно ценным товаром. Корпорациям придется в ближайшем будущем разработать политику оборонительных информационных боевых действий, или у них останется мало шансов выжить.

Общеизвестное практическое средство для оценки и снижения уровня риска содержит одиннадцать пунктов первоочередных оборонительных мероприятий:

- * все сотрудники подписывают обязательство о неразглашении сведений в качестве условия приема на работу;

- * сотрудникам ни под каким видом не разрешается приносить программные средства из дома или других внешних источников; им также не разрешается выносить компьютерные диски и другие магнитные носители с предприятия;

- * существует и действует исходный план информационной безопасности, обеспеченный соответствующим персоналом и ресурсами;

- * обучение всех работников мерам безопасности проводится как минимум раз в полгода;

- * организация проводит квалифицированный анализ факторов риска и имеет план экстренного реагирования и план ликвидации последствий;

- * все пользователи компьютерных систем имеют пароли, составленные методом случайной генерации, которые периодически меняются;

- * все случаи нарушения безопасности тщательно расследуются и докладываются высшему руководству;

- * проводится проверка предыдущей деятельности всех сотрудников;

- * на каждом объекте существует программа контроля действий посетителей;

- * существуют специальные методики при приеме на работу граждан других государств;

- * безопасность каждого объекта проверяется каждые двенадцать месяцев.

Вряд ли карты "Фортица" и закрытая операционная система с несколькими уровнями безопасности способны выполнить свои защитные функции, если конкурент

собирается пригласить на работу пятерых ваших ведущих сотрудников, и они намерены уволиться, прихватив с собой все, что имеется в их головах. Вот где истинная проблема. "Информационная война" подразумевает, что гораздо надежнее купить какого-либо человека и иметь непрерывный источник информации внутри, нежели пытаться выуживать секретную информацию в компьютерной системе той или иной компании, или даже "оседлать" ее линии связи и перехватывать информацию в момент передачи. Промышленный (и любой другой) шпионаж имеет множество аспектов - у него есть как электронное, так и человеческое лицо. И человеческий фактор зачастую представляет собой угрозу значительно более той, что может последовать от засылки "компьютерных ниндзя" по Internet в ваши компьютерные сети.

Другие аспекты.

По мере того, как разворачивается эта неизведанная впечатляющая картина компьютерных боевых действий, появляются новые проблемы. "Вся наша концепция боевых действий и ведения войн основана на идее национального суверенитета, - сообщил один из ведущих американских стратегов. - Отличительная особенность информационных боевых действий состоит в том, что они сметают эти барьеры. А какое право имеет Америка делать ту или иную страну банкротом? И при каких обстоятельствах должны использоваться такие полномочия? Мы только начинаем задавать себе эти вопросы, не говоря уже о том, чтобы найти ответы".

Помимо нравственных дилемм, вырисовываются более приземленные вопросы. По традиции, вооруженные силы разрабатывают и затем используют новые, вооружения и технологии. В то же время планами информационных войн заправляют гражданские специалисты; впервые вооруженные силы оказались вынуждены сначала овладеть каждым новым открытием, а уже потом изыскивать пути их использования. "Мы всегда были тем паровозом, который тащил поезд, - сказал один из экспертов Пентагона по информационным войнам. - Сегодня ситуация такова, что поезд ушел, а мы на своей патрульной дрезине пытаемся его догнать".

В Великобритании, Америке и других государствах Запада все чаще слышны голоса, утверждающие, что

развитые страны обязаны не допустить совершенствования новой формы ведения боевых действий, чтобы она впоследствии не стала достоянием деспотических режимов и террористов. Иначе любое государство может стать жертвой нападения, его коммуникации будут уничтожены, финансовая система расстроена, и при этом оно не сможет даже вычислить врага.

А поскольку около 95% военных коммуникаций проходят по тем же сетям факсимильной и телефонной связи, которыми пользуются гражданские лица, а более 150 000 армейских компьютеров связаны между собой через Internet, и военные базы питаются электроэнергией от тех же систем, что и городские компьютеры, постольку все страны оказываются под угрозой, причем самые развитые государства одновременно становятся и самыми уязвимыми.

Сегодня.

Одним из первых подразделений армии США, направленных в зону конфликта в бывшей Югославии, стал временно прикомандированный 72-й батальон войск связи. Его задача - организовать систему электронной почты с тем, чтобы солдаты могли поддерживать связь с домом, так как полагаться на письма и телефонные звонки - как способы общения с родными и близкими - не приходится. Видимо, остальные подразделения со временем обзаведутся аналогичными системами.

Электронная почта представляет собой часть армейской военной сети, но и пользователи таких популярных оперативных услуг, как CompuServe и America On Line, также могут связываться с солдатами этого подразделения, если располагают правильным электронным адресом. Отлично, не правда ли? Но кто гарантирован от несанкционированной передачи ложного или провокационного сообщения в условиях информационной войны?

Чтобы общественность имела доступ к оперативной информации по Боснии, открыта страница в Internet - Bosnia Link. Новый боснийский абонентский узел предназначен для того, чтобы, во избежание информационного вакуума, обеспечить своевременной информацией репортеров, находящихся в "мертвой зоне" или в войсках.

Наблюдатели за использованием телекоммуникаций и гражданских свобод заявили, что Bosnia Link является положительным примером использования технологии правительством и свидетельством демократии. Начиная с 5 декабря, за первые 36 часов своей работы пункт Bosnia Link получил 45 500 информационных запросов от пользователей Internet со всего света. Какие страны направляют войска в Боснию, чтобы содействовать осуществлению плана мирного урегулирования на Балканах? Кто командует 60-тысячным контингентом НАТО? И почему министр обороны Уильям Перри думает, что эта рискованная операция служит национальным интересам США? Как обеспечены солдаты на случай холодной погоды?

Фанаты портативных компьютеров просто сияют от счастья, имея возможность бороздить WWW в поисках цветных карт Боснии, протоколов пресс-конференций с высшими командирами и списков танков M1-A1 и вертолетов-штурмовиков "Апач".

В то же время раздаются голоса, что кажущаяся более открытая позиция Пентагона на самом деле сводится к тому, что он обращается напрямую к общественности не только с объективными цифрами продовольствия и боеприпасов, но также и с субъективными политическими оценками и решениями без фильтра средств массовой информации, с аргументацией, сформулированной самим чиновником или его ведомством.

В недавнем прошлом Пентагон всячески препятствовал репортерам во время вторжений на Гренаду в 1983 году и в Панаму в 1989 году и пытался держать в узде представителей прессы во время войны в Персидском заливе в 1991 году. Теперь же Пентагон рассылает электронными средствами различные документы и репортерам и всем желающим. Любой пользователь Internet может получить любую интересующую его информацию.

В поисках рационального зерна.

К существующей реальной угрозе информационной войны профессионалы в области информационной безопасности из частного сектора пытались привлечь внимание высшего руководства на протяжении длительного времени, ибо это одна из проблем, связанных с национальной безопасностью. Творческий стимул к формированию и

защите электронной торговли, национальной информационной инфраструктуры, глобальной информационной инфраструктуры и всех остальных компонентов киберпространства исходит из частного сектора, и этот творческий стимул должен быть свободен от каких бы то ни было ограничений, если мы действительно хотим развиваться.

Кроме того, существуют крупные законотворческие проблемы, связанные с секретностью и свободой слова, требующие своего разрешения. Очевидно, что никогда еще столь сильно не ощущалась необходимость совместных усилий государственных, промышленных и академических кругов - основных составляющих человеческой деятельности, на которых покоится вся инфраструктура. Именно государство охраняет общественный порядок. Именно частный сектор привлекает рабочую силу. И именно учебные заведения готовят эту рабочую силу.

Поэтому, надо надеяться, сегодня руководителям корпораций будет гораздо труднее игнорировать мнение своих специалистов по информационной безопасности, когда они добиваются увеличения ресурсов и расширения бюджетов. По коридорам Пентагона гуляет такая шутка: "Информационная война - что это такое?" - "О, это компьютерная безопасность плюс деньги". Можно сказать еще, что информационная война - это компьютерная безопасность плюс взвешенное отношение. И это обнадеживает.

Глава 2. Реалии информационной войны.

На современном этапе развития цивилизации информация играет ключевую роль в функционировании общественных и государственных институтов и в жизни каждого конкретного человека. На наших глазах процесс информатизации развивается настолько стремительно и зачастую непредсказуемо, что мы лишь только в самом начале пути осознания его социальных, политических, экономических, военных и других возможных последствий. Глобальная информатизация ведет к созданию единого мирового информационного пространства, в рамках которого производится накопление, обработка, хранение и обмен информацией между субъектами этого пространства -

людьми, организациями, государствами. Вполне понятно и очевидно, что возможности быстрого обмена политической, экономической, научно-технической, специальной и другой информацией, применение новых информационных технологий во всех сферах общественной жизни и, особенно, в производстве и управлении является несомненным благом для человечества. Но подобно тому, как быстрый промышленный рост создал угрозу экологии земли, а успехи ядерной физики породили опасность ядерной войны, так и информатизация может стать источником ряда серьезных проблем планетарного масштаба.

Однако необходимая сегодня степень информатизации может быть достигнута лишь в обществе с высоким научно-техническим и промышленным потенциалом и достаточным культурно-образовательным уровнем различных слоев населения отдельных стран. В мировое информационное пространство смогут войти только наиболее развитые и соответствующе подготовленные страны. Государства, не имеющие таких предпосылок всестороннего развития, все дальше отодвигаются на обочину социального и технического прогресса и становятся как бы "вечными маргиналами цивилизации". Уже теперь подобная неравномерность грозит противостоянием развитых стран и остального мира, чревата нестабильностью и угрозой новых войн и конфликтов. Единое мировое информационное пространство неизбежно требует унификации информационных и телекоммуникационных технологий всех стран - субъектов информационного сообщества. Это дает возможность мощным индустриальным державам, прежде всего, таким как США и Япония, значительно усиливать свое политическое, экономическое и военное превосходство за счет лидерства в информатизации и в принципе осуществлять глобальный информационный контроль над мировым сообществом и фактически навязывать свои правила игры в реальной жизни. Понятно также, что перспектива такой зависимости и возможность утраты самобытной самостоятельности вызывают серьезное беспокойство других государств, общественных институтов и отдельных граждан.

Не меньше сегодня тревожит информационно-культурная и информационно-идеологическая экспансия лидеров Запада, осуществляемая по мировым телекоммуникационным сетям (например, Internet) и через средства массовой информации. Многие страны вынуждены

принимать специальные меры для защиты своих сограждан, своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. Следует постоянно помнить о защите национальных информационных ресурсов и сохранении конфиденциальности информационного обмена по мировым открытым сетям. Вполне вероятно, что на этой почве могут возникать политическая и экономическая конфронтация между рядом государств, новые кризисные ситуации в международных отношениях. Поэтому в настоящее время информационная безопасность, информационная война и информационное оружие оказались в центре внимания.

Теоретики нередко относят к этому виду оружия широкий класс приемов и способов информационного воздействия на противника - от дезинформации и пропаганды до средств радиоэлектронной борьбы. Однако гораздо точнее информационным оружием следует называть:

- средства уничтожения, искажения или хищения информационных массивов;
- средства преодоления систем защиты;
- средства ограничения допуска законных пользователей;
- средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем.

Атакующим информационным оружием сегодня можно назвать:

- компьютерные вирусы, способные размножаться, внедряться в программы, передаваться по линиям связи, сетям передачи данных, выводить из строя системы управления и т. п.;
- логические бомбы - программные закладные устройства, которые заранее внедряют в информационно-управляющие центры военной или гражданской инфраструктуры, чтобы по сигналу или в установленное время привести их в действие;
- средства подавления информационного обмена в телекоммуникационных сетях, фальсификация

информации в каналах государственного, военного, экономического и общественного управления;

- средства нейтрализации тестовых программ;
- различного рода ошибки, сознательно вводимые лазутчиками в программное обеспечение объекта.

Универсальность, скрытность, многовариантность форм программно-аппаратной реализации, радикальность воздействия, достаточный выбор времени и места применения, наконец, экономичность делают информационное оружие чрезвычайно опасным:

- оно легко маскируется под средства защиты, скажем, интеллектуальной собственности;
- оно позволяет даже вести наступательные действия анонимно, без объявления войны.

Проявление нового характера войн.

Нормальная жизнедеятельность общественного организма целиком определяется уровнем развития, качеством функционирования и безопасностью информационной среды. Политика, производство и управление, оборона и связь, транспорт и энергетика, финансы, наука и образование, средства массовой информации - все зависит от интенсивности информационного обмена, полноты, своевременности, достоверности информации. Именно информационная инфраструктура любого общества является первоочередной мишенью информационного оружия. Но, в первую очередь, новое оружие нацелено на вооруженные силы, предприятия оборонного комплекса, структуры, ответственные за внешнюю и внутреннюю безопасность страны. Не стоит утешать себя тем, что ввиду унаследованной информационной замкнутости, определенной технологической отсталости Украина сегодня менее уязвима, чем другие государства. Скорее наоборот, как раз высокая степень централизации структур государственного управления украинской экономикой может привести в полном смысле слова к губительным последствиям в результате информационной агрессии. Конечно, специальные службы Украины располагают необходимыми средствами и известным опытом предотвращения перехвата, утечек,

искажений, уничтожения информации в информационных и телекоммуникационных сетях и системах общегосударственного назначения. Но темпы совершенствования информационного оружия (как, впрочем, и любого вида атакующего вооружения) всегда превышают темпы развития технологий защиты. Вот почему задача нейтрализации информационного оружия, парирования угрозы его применения должна рассматриваться как одна из приоритетных задач в обеспечении национальной безопасности страны.

Мировые информационные сети и информационное оружие.

В настоящее время мировое сообщество серьезно озабочено состоянием защиты национальных информационных ресурсов в связи с расширением доступа к ним через открытые информационные сети типа Internet. Кроме того, что повсеместно увеличивается число компьютерных преступлений, вполне реальной стала угроза информационных атак на более высоком уровне для достижения политических и экономических целей. Пропаганда информационного оружия активно ведется в США, и эти пропагандистские мероприятия не случайно связаны со стратегическими инициативами создания Национальной и Глобальной информационных инфраструктур. Объяснения просты: ведь основу практически всех направлений международной и внутренней политики США составляет идея лидерства этой страны в мире. Технологические достижения США вкупе с сильной и динамичной экономикой позволяют демонстрировать могущество страны. Информационное оружие, базирующееся на самых передовых информационных и телекоммуникационных технологиях, способствует решению этой задачи и прокладывает мировой политический фарватер. Последнее обстоятельство следует помнить руководству многих украинских государственных и корпоративных сетей, которые уже давно активно работают в Internet и намерены подключаться к другим глобальным телекоммуникационным сетям. Уязвимость национальных информационных ресурсов стран, обеспечивающих своим пользователям работу в мировых сетях, - вещь обоюдоострая. Информационные ресурсы взаимно уязвимы. В докладе Объединенной комиссии по безопасности, созданной по распоряжению министра обороны и директора ЦРУ в США в июне 1993 года и завершившей свою работу в феврале 1994 года, говорится:

"...Уже признано, что сети передачи данных превращаются в поле битвы будущего. Информационное оружие, стратегию и тактику применения которого еще предстоит тщательно разработать, будет использоваться с "электронными скоростями" при обороне и нападении. Информационные технологии позволят обеспечить разрешение геополитических кризисов, не производя ни одного выстрела. Наша политика обеспечения национальной безопасности и процедуры ее реализации должны быть направлены на защиту наших возможностей по ведению информационных войн и на создание всех необходимых условий для воспреещения противоборствующим США государствам вести такие войны..."

Считается, что для предотвращения или нейтрализации последствий применения информационного оружия необходимо принять следующие меры:

- защита материально-технических объектов, составляющих физическую основу информационных ресурсов;
- обеспечение нормального и бесперебойного функционирования баз и банков данных;
- защита информации от несанкционированного доступа, искажения или уничтожения;
- сохранение качества информации (своевременности, точности, полноты и необходимой доступности).

Создание технологий обнаружения воздействий на информацию, в том числе в открытых сетях, - это естественная защитная реакция на появление нового оружия. Экономическую и научно-техническую политику подключения государства к мировым открытым сетям следует рассматривать через призму информационной безопасности. Будучи открытой, ориентированной на соблюдение законных прав граждан на информацию и интеллектуальную собственность, эта политика должна предусматривать защиту сетевого оборудования на территории страны от проникновения в него скрытых элементов информационного оружия. Это особенно важно сегодня, когда осуществляются массовые закупки

зарубежных информационных технологий. Понятно, что без подключения к мировому информационному пространству страну ожидает экономическое прозябание. Оперативный доступ к информационным и вычислительным ресурсам, поддерживаемым сетью Internet, разумеется, следует приветствовать как фактор преодоления международной экономической и культурной изоляции, фактор преодоления внутренней дезинтеграции, как условие укрепления государственности, институтов гражданского общества, развития социальной инфраструктуры. Однако следует отчетливо представлять себе, что участие Украины в международных системах телекоммуникаций и информационного обмена невозможно без комплексного решения проблем информационной безопасности. Особенно остро проблемы защиты собственных информационных ресурсов в открытых сетях встают перед странами, которые технологически отстают в области информационных и телекоммуникационных технологий от США или Западной Европы. К числу таких стран, к сожалению, относится и Украина. Сегодняшнее состояние украинской экономики, неразвитость информационной инфраструктуры, неподготовленность большинства украинских пользователей к эффективной работе в сетях открытого информационного обмена не позволяют реализовать полноценное участие страны в таких сетях и пользоваться всеми возможностями новых технологий. Поэтому необходимо активное участие Украины в проектах развития мировых информационных сетей, в работе международных организаций, общественных комитетов и комиссий этого направления. Кроме того, должен соблюдаться принцип постепенности вхождения Украины в международные сети в соответствии с действительными потребностями, экономическими и технологическими возможностями. Запретить разработку и использование информационного оружия вряд ли возможно, как это сделано, например, для химического или бактериологического оружия. Ограничить усилия многих стран по формированию единого глобального информационного пространства также невозможно. Однако Украина может выступить инициатором заключения разумных соглашений, опирающихся на международное право и минимизирующих угрозу применения информационного оружия. Практические мероприятия программного характера видятся следующим образом:

- Организация мониторинга и прогнозирования потребностей экономических и других структур в различных видах информационного обмена через международные сети.
- Возможно создание специализированной структуры для контроля трансграничного обмена, в том числе посредством Internet.
- Координация мер государственных и негосударственных ведомств по предотвращению угроз информационной безопасности в открытых сетях; организация международного сотрудничества.
- Разработка государственной программы совершенствования информационных технологий, обеспечивающих подключение национальных и корпоративных сетей к мировым открытым сетям при соблюдении требований безопасности информационных ресурсов.
- Организация системы комплексной подготовки и повышения квалификации массовых пользователей и специалистов по информационной безопасности для работы в мировых информационных сетях.
- Разработка национального законодательства в части правил обращения с информационными ресурсами, регламента прав, обязанностей и ответственности пользователей открытых мировых сетей.
- Установление перечня информации, не подлежащей передаче по открытым сетям, и обеспечение надежного контроля за соблюдением установленного статуса информации.
- Активное участие в разработке международного законодательства и нормативно-правового обеспечения функционирования мировых открытых сетей.

Не претендуя на подробное освещение всех этих мероприятий, подробно остановимся на проблеме мониторинга.

Мониторинг информационной безопасности.

Необходим непрерывный и последовательный мониторинг угроз, связанных с возможным развязыванием информационной войны, с постоянной и трезвой оценкой возможностей противодействия, нейтрализации и предотвращения этих угроз. По мнению специалистов, мониторинг должен охватывать:

- динамику внешнеполитической ситуации, глобальные и локальные противоречия и конфликты;
- научно-технический прогресс в области разработки средств и методов проникновения в информационные ресурсы и воздействия на информационную инфраструктуру, а также в области защиты информации;
- состояние внутреннего и международного законодательно-правового обеспечения информационной безопасности;
- состояние и эффективность систем обеспечения информационной безопасности.

Идеальную схему организации мониторинга можно представить в виде иерархической структуры, высшим звеном которой является надведомственный полномочный орган, куда от министерств, ведомств и собственных источников поступает информация о состоянии безопасности объектов и систем. Анализ этой информации позволит оценивать и прогнозировать ситуацию по обеспечению безопасности, осуществлять координацию деятельности и сформировать планы развития системы безопасности в целом. Реализация подобной схемы мониторинга в настоящее время затруднена, так как обеспечением информационной безопасности сегодня вынуждены заниматься различные государственные ведомства, прежде всего силовые министерства. Чтобы такого рода "мозаичный" конгломерат отдельных ведомственных подсистем функционировал достаточно успешно и эффективно, должны быть согласованы их усилия и скоординирована их деятельность, прежде всего, на нормативно-правовом и методическом уровнях. Организационное обеспечение идеологического объединения подсистем информационной безопасности, как это примерно сделано в США или Франции, мог бы взять на себя Совет национальной безопасности и обороны Украины.

Глава 3. Защита гражданского общества от информационного оружия в XXI веке.

Не успело мировое сообщество поставить надежный заслон испытаниям, распространению и применению ядерного оружия - самой большой опасности XX века, как встретилось с новой глобальной угрозой безопасности - информационным оружием. Проблемы разработки, использования и защиты от информационного оружия уже сегодня стали высшими приоритетами в политике национальной безопасности США и других западных стран, ориентированной на XXI век.

Информационное оружие принципиально отличается от всех других средств ведения войны тем, что с его помощью могут вестись (и уже ведутся) необъявленные и чаще всего невидимые миру войны и что объектами воздействия этого оружия являются, прежде всего, гражданские институты общества и государства - экономические, политические, социальные и т. д. Кроме того, впервые военная стратегия использования информационного оружия оказалась тесно связанной с гражданским сектором и стала во многом от него зависеть.

Разнообразие информационного оружия, форм и способов его воздействия, особенности появления и применения породили сложнейшие задачи защиты от него гражданского общества. Американцы первые поняли и оценили значение информационного оружия и поэтому стремятся захватить лидирующие позиции в решении этих задач, что, как они считают, должно упрочить мировое лидерство США в следующем веке. Этим объясняется большой интерес и активность американцев в исследовании проблем информационной войны. Все сказанное подтверждается докладами и дискуссиями на 5-й Международной конференции по информационной войне. Конференция проводилась под эгидой американского правительства. Спонсорами конференции выступили ведущие компании США в области производства и использования ЭВМ, средств телекоммуникаций и связи, такие, как Axent, Military Technology, IBM, Digital, Norman, Philips и др.

В конференции участвовало около 400 человек. Большую часть участников составляли сотрудники государственных учреждений, армии и разведывательного сообщества США - АНБ, ЦРУ, ФБР и др. Примерно треть участников составляли представители крупнейших корпораций, работающих в области вычислительной техники, телекоммуникаций и защиты информации. Среди зарубежных участников конференции преобладали научные

работники и представители разведок европейских стран и Австралии. Практически все выступления на конференции были связаны с выработкой общего понимания проблемы защиты общества от информационного оружия и информационного терроризма и разработкой единой идеологии создания системы защиты. Имеющийся на Западе опыт защиты показал, что раздробленные усилия различных ведомств и частного сектора не дают серьезных результатов и для решения проблемы необходима общая концепция, на основе которой государство могло бы координировать деятельность всех участников создания национальной системы информационной безопасности.

С объяснением своих позиций по этому вопросу выступили представители всех заинтересованных ведомств американского правительства и частного сектора. В докладе генерала Джона Шихана, шефа Верховного объединенного командования в Атлантике, была изложена концепция военного использования информационного оружия и защиты от него. Генерал утверждал, что информационное оружие стало одной из главных составляющих военного потенциала США, позволяющей выигрывать малые войны и разрешать военные конфликты без применения обычных вооруженных сил. В войсках создаются специальные подразделения и структуры управления для ведения информационной войны. Во всех военных учебных заведениях США введены специальные курсы по информационным войнам и налажен выпуск офицеров по специальности этого профиля. Особое внимание в докладе было уделено проблемам защиты от информационного оружия - самой большой угрозы национальной безопасности. Утверждалось, что армия пока не готова создать надежную защиту и эту проблему необходимо решать всем государственным и частным структурам вместе и что армия готова выполнять координирующую функцию в этом процессе.

Генерал Кен Минихен развил идею сотрудничества армии и частного сектора и предложил конкретные схемы их взаимодействия. При этом было высказано убеждение, что частный сектор должен поступиться некоторыми свободами в информационном обмене и подчиняться совместно выработанным регламентам.

Руководитель службы безопасности Ситибанка Стив Катц подчеркнул, что банковское сообщество не в силах самостоятельно справиться с информационными угрозами "в век электронных конфликтов". Он считает, что государство должно взять на себя

разработку национальной системы защиты от информационного оружия, а банки должны предоставить часть необходимых средств.

Специальный представитель правительства США Салли Катцен продемонстрировала сложность национальной информационной инфраструктуры и ее незащищенность от воздействия информационного оружия. Наиболее серьезно уязвимыми элементами инфраструктуры она считает телекоммуникационные узлы, центры спутниковой связи и каналы международного информационного обмена. Она подчеркнула, что в настоящее время в сетях национальной инфраструктуры циркулирует до 80% конфиденциальной информации, в том числе особо важной, и что эта цифра недостаточна для безопасности США. Потребуется обновить законодательство, чтобы преодолеть сопротивление частного сектора, выступающего против ужесточения контроля за информационным обменом. Она сообщила, что уже выделены средства порядка миллиарда долларов на несколько национальных программ защиты инфраструктуры от информационного оружия.

Подобную же тему развивал директор ФБР Луис Фри, выступив за ужесточение контроля за информацией, особенно передающейся за пределы США.

Представитель австралийской разведки Ник Чантлер подробно рассказал о движении хэкеров, его истории, социальных корнях, и распространении, специализации хэкеров, используемой технике и программном обеспечении. Опыт хэкеров может принести немалую пользу при разработке средств защиты конфиденциальной информации в сетях, а также для совершенствования приемов и методов ведения электронной разведки.

Более полное представление о конференции могут дать названия многочисленных секций:

- военные средства электронной защиты;
- защита глобальной финансовой и телекоммуникационной инфраструктуры;
- манипулирование сознанием;
- чрезвычайное планирование в информационной войне;
- легальные возможности и ответственность в информационной войне;

- ядерное оружие в информационном веке;
- защита сетей от информационных атак;
- этические проблемы информационной войны и др.

В работе Конференции участвовали 6 представителей России, в том числе 3 члена Российской академии естественных наук. Делегация РАЕН представила три доклада, отражающих российскую точку зрения на общие и некоторые частные проблемы обеспечения информационной безопасности. Доклады вызвали большой интерес. Российские специалисты получили ряд предложений о сотрудничестве от американских и канадских и исследовательских организаций. О присутствии представителей Украины на Конференции нам неизвестно. Анализ выступлений, дискуссий и материалов конференции, позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в США активно ведется большая работа по выработке национальной концепции обеспечения информационной безопасности, принципов и методов управления и координации деятельности всех государственных ведомств и частного сектора в этой сфере.

2. Информационное оружие призвано обеспечить разрешение военных конфликтов на ранней стадии и исключить применение сил общего назначения. Стратегия применения информационного оружия носит исключительно наступательный характер. Однако есть понимание собственной уязвимости, особенно гражданского сектора, поэтому проблемы защиты от информационного оружия и информационного терроризма сегодня выходят на первый план.

3. В условиях бурного развития международных открытых сетей типа Internet и присоединения к ним большинства стран кардинально меняется идеология ведения разведки, в которой основной акцент теперь делается на использовании новейших информационных технологий для добывания конфиденциальной информации.

4. Проведение многочисленных конференций и активное обсуждение проблем информационной войны на страницах специальных изданий объясняется тем, что до сих пор не решены многие ключевые проблемы, связанные с появлением новых видов информационного оружия, неопределенностью последствий его применения, недостаточной эффективностью возможных средств защиты и т. д. До сих пор не выработаны и концептуальные подходы

решения этих проблем на государственном уровне. Можно предположить, что по завершении работ над концепцией информационной безопасности США проблематика информационных войн вообще станет закрытой.

5. С точки зрения будущего, представителям Украины необходимо активно участвовать во всех конференциях, посвященных вопросам информационных войн и идти навстречу предложениям о научном сотрудничестве с США и другими западными странами, а также изыскивать любые возможности для того, чтобы активно поддерживать отечественные "ноу-хау", разработку и внедрение передовых технологий.

Глава 4. Рука так и тянется к кобуре...

Гераклит назвал "отцом вещей" вражду. В мире повсюду противостоящие друг другу полюса: палачи и жертвы, мужчины и женщины, насилующая власть и восстающий субъект. Борьба стихий. Борьба классов, наций, рас, экономических формаций, материальных интересов, честолюбий, идей. Обыденное сознание с некоторых пор привыкло делать демагогический ход: противоречие в частном не мешает всеобщей гармонии; противоположности в конце концов совпадают. Сказка о добром конце, о безболезненном и беспроблемном синтезе. Наивная вера в "третье" сущестъ, погруженных с головой в ураган смертельной борьбы двух.

Реальный мир построен по закону двойственности. Может быть, эта двойственность где-то в бесконечности перестает быть сама собой, следуя недоказанному (и недоказуемому) закону Лобачевского или богословскому утверждению Кузанского. Пока же мы имеем дело с конкретным реальным миром, вражда остается всеобщим знаменателем существования. Дело не в вульгарном дарвинизме и "борьбе за выживание". Любой предмет, любое существо, любая мысль растянута между двумя пределами - бытием и небытием, жизнью и смертью, наличием и отсутствием, притяжением и отталкиванием, сходством и различием и т.д. Границы всегда противоположны, враждебны друг другу. Их присутствие наполняет реальность внутренним драматизмом, динамикой, силой и тоской. Поэтому **агрессия - основополагающий закон бытия в современном мире.**

Можно прочертить великое множество траекторий, по которым проходят разряды космической агрессии. Можно исследовать притяжение и отталкивание частиц на атомарном уровне и разбирать тем самым принцип агрессии, лежащий в основе атомного оружия. Можно заняться космологией и изучить фантастический процесс исчезновения материи в гравитационных супермассах черных дыр. Можно составить типологию насилия среди животных или построить графики агрессивных вспышек в человеческих коллективах. Можно, наконец, рассмотреть в этом свете доктрины классовой борьбы или расовой ненависти. **Агрессия - многозначное и многомерное, фундаментальное явление космической реальности.** По своей универсальности она, может быть, даже превосходит все остальное...

Какой бы вид агрессии мы ни принялись разбирать, с самого начала сталкиваемся с определениями двух позиций, двух полюсов, двух границ, между которыми зреет и разражается молния насилия, палящий огонь войны. (Кстати, тот же Гераклит считал именно огонь мистической основой космоса.)

Для "Элементов" определение своего и чужого, дружественного и враждебного не представляет никаких сложностей. Всегда можно провести демаркационную линию между "нашими" и "ненашими", следуя логике Шмитта и тезису о "борьбе сознаний" Сартра. Естественно, между "нашими" и "ненашими" ничего кроме агрессии существовать не может. Другое дело, что эта агрессия бывает актуальной или потенциальной, выражается в прямом смертоносном конфликте или подспудно зреет при внешнем бездействии. Перемирие может казаться затянувшимся. Но рано или поздно рванет.

"Наше", с духовной точки зрения, это Традиция, органическое общество, нечеловеческое Откровение, превосходство духовного над физическим, космическая иерархия, качественная дифференциация, утверждение этики героя над этикой торговца.

"Наше", с социальной точки зрения, это равенство прав и ответственность каждого, обеспечение надежной социальной защиты членов общества, доминанция принципа высшей справедливости над принципом личной выгоды и эффективности, коллективизм.

"Наше", с геополитической точки зрения, это Евразийский путь развития, континентальный альянс, силы суши, гигантский блок, основанный вокруг Украины и других славянских государств.

"Наше", с точки зрения стиля, это гуманизм, движение, жизнь, активность, преодоление, Любовь и Смерть.

"Ненаше", с духовной точки зрения, это современный мир, западная цивилизация со времен Просвещения, картезианство и кантианство, эгоистический индивидуализм, вульгарный материализм, доминация торгового общества.

"Ненаше", с социальной точки зрения, это капитализм, иерархия по материальному достатку, центральность выгоды и интереса, эгоцентризм, космополитизм.

"Ненаше", с геополитической точки зрения, это Америка и Запад, силы моря, англо-саксонский мир, атлантизм и мондиализм.

"Ненаше", с точки зрения стиля, это косность, консерватизм, конформизм, успокоенность, трусость, осторожность, прохладность, безразличие и шкурный страх смерти.

Между этими полюсами "нашего" и "ненашего" нарождаются всполохи неумолимой и страшной ненависти. Одно исключает друг друга. В данном случае "борьба сознаний" абсолютна, так как все частные несогласия в рамках каждого лагеря снимаются перед лицом тотальной чуждости противоположной гигантской системы ценностей. Анархисты, фашисты, коммунисты, левые националисты, неконформисты оказываются в одном лагере, несмотря на все внутренние противоречия. Конформисты слева и справа, социал-демократы и либералы, республиканцы и крайне правые, обыватели и послушное мурло - в другом. Такая диспозиция сил свойственна постсоветской картине мира.

Вырисовывается новая карта сражений и битв, террористических актов и полемик, атак, нападений и стратегических маневров. Сегодня мы вступаем в совершенное уникальную пору Новой Агрессии, где все бывшие противоположности, противоборствующие стороны, противники и враги резко перестраивают свои ряды. Вчерашние коммунисты братаются с капиталистами под

вывеской мондиализма, вчерашние фашисты пожимают руки анархистам в подрывных штабах борьбы с мондиализмом.

"Новый мировой порядок", мировое правительство, планетарный рынок, принцип "За деньги можно купить все!", приоритетность материальных ценностей над духовными, One World, универсализация Запада и его модели, дикий либерализм, канонизация идиота-обывателя в качестве нормального среднестатистического представителя человечества. Это - с одной стороны, это - "ненаши".

Евразийская структура, "открытое общество", свобода наций и народов, их право на сохранение своей самобытности, автономия, духовная иерархия, национальная дифференциация, общечеловеческие ценности, сотрудничество Востока и Запада, исключительное право называться человеком, предоставляемое только герою, мудрецу, подвижнику, воину на платформе выработки принципиальных положений Нового Мировоззрения и решения практических задач Организации Систем Управления человеческой цивилизации. Создание доступных для осознания уровней информационных потоков, на основании которых человек сможет воссоздать истинную и полную картину мироздания со всеми его внутренними и внешними взаимоотношениями и найти свое место в Мире по принципу - **"Каждый Человек значим, уникален, необходим и незаменим - если он находится на Своем месте, в противном случае он Никто и Ничто и может только навредить себе и окружению"**. Качественную суть способа жизнедеятельности определяет принцип взаимоотношений человека с Природой, функциональной частью которой является сам человек. И человек как ее дитя должен оставаться ее гармонично мыслящим телом, душой и духом. Иначе Природа отторгает его, помрачает его разум другим принципом: "взять больше, чем отдать". Это - "наши".

Две несводимые друг к другу позиции, два всеохватывающих супермировоззрения, два взаимоисключающих проекта будущего всего человечества.

Между ними не только вражда, ненависть, но и жесточайшая борьба по правилам и без правил, на уничтожение, до последней капли крови. Между ними горы трупов, миллионы жизней, бесконечные века страданий и подвигов. Кто из нас подытожит Историю? Каким будет ее

конец? Кто скажет последнее слово? Кто рассмеется последним? Кто всадит последнюю пулю в плоть поверженного врага? Они или мы? "Наши" или "ненаши"? Это решит война, в первую очередь - информационная. "Отец вещей"...

Глава 5. Общество и насилие.

Наше общественное сознание привыкло к тезису, согласно которому насилие является повивальной бабкой всякого развития. Крупные общественные изменения, коренные реформы мы обычно связываем с неизбежностью серьезных разрушений, больших потерь. "Лес рубят - щепки летят", - утверждает популярная пословица. Соответственно в общественном сознании утвердилось представление о революции, революционном действии вообще как об истинном в своей сущности деянии, торжестве справедливости и социального блага. Привычность такого представления обычно связывают с доминированием марксистской ментальности. Опыт последних лет, однако, убедительно доказывает, что "революционный дух" составляет стержень идеологических установок противников марксизма и социалистической идеологии.

Революционность - это наиболее привычная для нас форма избавления от социальных проблем. В общественном сознании присутствует скрытая вера в то, что любую социальную проблему можно и нужно решать хирургическими методами. И первые же шаги на этом пути создают новые проблемы, которые вновь подталкивают к хирургическому вмешательству. "Перманентная революция" - это только отражение определенной социально-политической практики, которая может быть относительно терпима лишь в определенных условиях.

Формирование информационного общества коренным образом изменяет эти условия. Демократические процедуры, утверждающие компромисс как основание принятия фундаментальных социальных политических решений, становятся не просто желательными, а необходимыми для того, чтобы общество вообще могло нормально функционировать. Это связано с тем, что сегодня любое фундаментальное социальное решение требует всесторонней

научной проработки и определения возможных последствий, а также выбора оптимального для данных условий решения.

Это значит, что все идеологические доктрины, основанные на признании единственной социальной истины в качестве абсолютной, заключают в себе разрушительный для общества потенциал. Без уяснения этого нельзя рассчитывать на то, что революционная ментальность и социальное насилие неизбежно испарятся из нашего общественного сознания.

Другой симптоматичной проблемой нашего времени стала очевидная связь утверждения демократических принципов в обществе с ростом уголовной преступности. Социальные теоретики даже утверждают, что на данный момент нет общепринятого социального критерия для отделения нормы от криминала, бизнесмена... от бандита. Это может лишь означать, что все общество начинает пронизывать система межличностных и социальных отношений, основанная не на законе, а на конкретном соотношении физических сил. В этом случае демократия начинает отождествляться с саморазрушающимся обществом. Государственная машина, пытаясь противопоставить миру уголовной преступности все более совершенные средства контрнасилия, становится составной частью этой саморазрушающейся системы.

Оказавшись перед этими проблемами, мы все более отчетливо осознаем, что как прославление революционного насилия, так и осуждение насилия уголовного сами по себе мало что дают. Мы оказываемся в некоем тумане, пытаемся бороться с противником, которого отчетливо не видим. Мы начинаем осознавать недостаточность нашей собственной интерпретации истины жизни и необходимость обращения к теории, которая может помочь нам разобраться с феноменом насилия и связанными с ним парадоксами.

Что же нам говорит теория, как она объясняет мотивы насилия? Как она связывает перспективы применения насилия со становлением информационного общества? Более глубокое понимание этих процессов позволяет выработать адекватные решения в сфере управления и противодействия насилию, в том числе и в информационной сфере.

Мотивы насилия.

Процесс становления информационного общества дал толчок для переоценки ценностей, новой интерпретации ряда природных и социальных явлений. Так процесс информатизации в эволюции ноосферы оценивался как ключевой этап, означающий резкое повышение интеллектуального потенциала цивилизации, гуманистическую перестройку всей жизнедеятельности человека. Информационное общество нередко рассматривается как особое гармоничное коммуникационное состояние человечества, которое позволяет решать ключевые глобальные проблемы, в том числе и экономическую.

Очевидно, однако, что гармоничные отношения всюду сталкиваются с насилием, которое пронизывает общество сверху донизу. Насилие - это явление, которое характеризует отношение человека и к природе, и к другому человеку. Человек постоянно мечтает о гармонии, но совершает действия, разрушающие гармоничные отношения. Он пытается создать локальную гармонию на базе общей дисгармонии.

Гармония на основе дисгармонии - парадоксальное явление. Но на самом деле, в нем соединены идеал, к которому субъективно стремится любой человек, и реальность его жизненных позиций, которым, как ему кажется, он вынужден следовать. Эта парадоксальность бытия человека как личности требует своего объяснения.

Сложилось три типа теорий, объясняющих истоки насилия. Первый тип объединяет те концепции, которые выводят насилие из природы человека. При этом предполагается, что существуют врожденные склонности, инстинкты (инстинкт смерти, сексуальный инстинкт), которые подталкивают человека к насилию. К этому типу можно отнести и философские концепции, объясняющие насилие присущей человеку волей к большей власти, господству над другими себе подобными.

Второй тип теорий выводит применение насилия из экономических и социальных условий жизни общества. Экономическое и социальное неравенство порождает дифференциацию общества на группы, общественные классы и соответственно антагонистические противоречия и борьбу между ними. Преодоление этой борьбы лежит через установление социального равенства или, во всяком случае, смягчения неравенства. Соответственно определяются

допустимые пределы разрыва в уровне жизни различных классов для обеспечения стабильности общественной жизни.

Третий тип теорий связывает насилие с динамикой конфликта. В любом обществе возникают конкурирующие группы - экономические, политические, духовные. Первоначальное состояние конкурирующих групп и личностей - это потенциальный конфликт. Он становится реальным, когда конкурентное состояние персонифицируется, когда друг другу начинают противостоять конкретные индивиды. Это именно та стадия, когда насилие становится весьма вероятным.

Конфликт всегда находит свое разрешение в победе одной из конфликтующих сторон. Утверждается новая иерархия. Наступает период адаптации к ситуации. Это период, когда формируются новые конкурирующие группы. История разрешения конфликта повторяется вновь и вновь многократно.

Все три группы теорий исходят из того, что в основе насилия лежит действующая в настоящем времени и поэтому реально фиксируемая причина или некая совокупность причин. Такой подход наиболее продуктивен для объяснения многих феноменов насилия в жизни общества, в том числе и войн.

Теории насилия, отталкивающиеся от понимания его конкретных социальных причин, проложили путь к созданию механизмов смягчения социальных конфликтов, направления массового социального протеста в русло рутинных демократических процедур. И это дает свои результаты. Вместо побоищ, кровавых столкновений с органами правопорядка происходят мирные шествия с теми лозунгами, которые отражают настроения общественности, реальные требования. Власть не подавляет эти шествия, а гарантирует их спокойное прохождение. Демократы и органы правопорядка как бы оказываются "в одной лодке", на страже соблюдения демократических конституционных принципов. Такая согласованность позиций достигается переговорами, во время которых проявляется законность требований и уясняется порядок их предъявления в соответствии с действующими общественными правилами.

Это требует обучения власти и постоянной работы с лидерами общественных движений. Для Украины данное

направление является крайне важным, прежде всего, что постоянно повышается "температура общества" из-за усугубления нерешенных социальных проблем.

"Невидимые" причины насилия.

Существуют, однако, формы насилия, которые не имеют видимых социальных и экономических причин. Эти формы становятся особо значимыми в условиях информационного общества, при проведении информационных экспансий. Традиционно внимание теоретиков обращено к анализу причин войн между государствами, обострения классовых конфликтов. В условиях открытого общества складывается тенденция резкого сокращения межгосударственных военных столкновений. Центр тяжести конфликтов переносится внутрь государств.

Анализ показывает, что нередко причиной этих конфликтов становится некая "скрытая" от глаз информация, которая толкает к применению массового насилия. Одним из первых описанных в Библии примеров такого рода можно считать скрытые указания египетского царя об изнурении израильтян тяжкими работами и умерщвлении их сынов при рождении. Египетский царь считал необходимым перехитрить выходцев из Израиля и предотвратить в случае войны их союз с потенциальным неприятелем Египта.

Многие парадоксы в развитии цивилизации в XX веке, в том числе "странные" массовые убийства, связаны с этой скрытой информацией. Как она возникает и как воздействовать на нее? Вот в чем вопрос. Такая скрытая информация может возникать стихийно, как некий предрассудок, воспринимаемый общественным сознанием, как не требующая доказательств истина.

Но она может формироваться и вполне целенаправленно возникать в результате усвоения определенных идеологических постулатов. XX век выявил связь между такого рода информацией и идеологическим внушением. Здесь ключ к объяснению целого ряда таких явлений массового насилия. С помощью идеологического внушения формируется самосознание, воспринимающее социально-историческую действительность в черно-белом изображении: свое есть квинтэссенция Добра, чужое - концентрация Зла.

На этой почве, как правило, и возникает двойной стандарт: насилие оправдывается и даже прославляется в отношении "чужих", жертвы же насилия воспринимают его как преступление. Двойной стандарт становится понятным, когда выясняется, что противостоящие друг другу субъекты вступили в некую игру, в которой проигравший лишается условий своего существования и самой жизни. Подобно тому, как в ходе дуэли смерть одного дуэлянта является условием жизни другого, и это действие совершается по определенным правилам, так и в общественной жизни соблюдается видимость следования цивилизованным нормам, но вместе с тем ведется игра, направленная на устранение потенциального противника.

Сегодня информационное общество создает все более совершенные технические механизмы и средства массового идеологического воздействия. Однако собственное развитие делает такое общество все более уязвимым. В этой связи необходимо обратить особое внимание на эволюцию терроризма.

Терроризм обычно определяют как применение насилия или угрозу насилием с целью посеять в обществе панику, ослабить или опрокинуть влияние официальных властей и вызвать политические изменения. Сам по себе терроризм - явление отнюдь не новое. Еще царская Россия, например, пережила не один всплеск терроризма, рожденного верой в то, что убийство царственных особ и высокопоставленных чиновников открывает прямой путь к свободе.

Но Россия в этом была далеко не одинока. Западную Европу тоже захлестывал террористический вал. В 1894 году итальянский анархист убивает президента Франции Карно. В 1897-м анархисты совершают покушение на императрицу Австрии и убивают испанского премьер-министра Антонио Канова. В 1900-м жертвой анархистского нападения стал король Италии Умберто I. В 1901 году американский анархист убивает президента США Уильяма Маккинли.

Терроризм конца прошлого века носил прицельный характер и имел ограниченные последствия. Современный терроризм представлен, как правило, организациями, которые, с одной стороны, занимаются бизнесом и политической деятельностью, а с другой - террористическими актами. С этим связан их разветвленный характер. Таковы братья-мусульмане, палестинское движение

Хамас, Ирландская республиканская армия, тамильские "тигры" в Шри-Ланке, баскские сепаратисты. Со стороны определенных государств существует поддержка террористических организаций, основанная на религиозных или идеологических соображениях. Все это меняет качество терроризма.

Важным изменением в практике терроризма следует считать появление возможности использовать средства, которые могут вызвать массовую гибель людей. Всеобщее пристальное внимание сегодня обращено на похищение радиоактивных веществ с государственных предприятий. Если в руках террористов окажется ядерное оружие, то возможности и масштабы шантажа резко возрастут.

Серьезную тревогу всегда вызывала возможность попадания в руки террористов химического и биологического оружия, над созданием которого многие государства работали десятки лет. Теперь возможность превращается в действительность. У всех на памяти трагедия 1995 года, когда в токийском метро члены религиозной секты "Аум Синрикг" распылили газ "зарин", в результате чего погибло и пострадало множество людей.

Для воздействия на представителей террористических организаций весьма важно знать мотивы их действий. Терроризм нельзя понять без учета определенного романтизма, окружающего героев, жертвующих собой ради большой идеи. Возникают также религиозные и идеологические основания массового самопожертвования. Весьма симптоматичным был опыт набора камикадзе во время второй мировой войны в Японии. На призывные пункты явились тысячи добровольцев ради защиты Страны восходящего солнца.

Если в основе террористических акций лежат религиозные мотивы, мотивы содействия Апокалипсису, разрушению технической цивилизации, то применение оружия массового поражения может казаться логически оправданным. Доктрина секты "Аум Синрике", например, учила, что убийство помогает и жертве, и убийце обрести спасение. Те, кто верит в наступление судного дня, считают, что чем раньше наступит царство Антихриста, тем скорее будет разрушен продажный мир, восторжествуют новые небеса. С этой точки зрения все становится дозволено, зло превращается в добро. Если ставится ограниченная

политическая задача, то террористы не заинтересованы в массовых убийствах, которые их дискредитируют. Они склонны к использованию огнестрельного оружия, других традиционных, а не ядерных, химических, биологических средств, применение которых может вызвать неуправляемые последствия. Различия лиц террористов свидетельствуют о том, что в основе терроризма все чаще лежат не столько объективные экономические и политические факторы, сколько информационное воображение, черпающее вдохновение из самих экстравагантных идеологических и религиозных источников.

Это важно понять, поскольку в информационном обществе проблема надежности бытия обретает парадоксальный смысл. Чем выше уровень развития такого общества, тем большей опасности оно подвержено. Развитое общество в огромной степени зависит от нормальной работы электронного накопления, доступа, анализа и передачи информации. Оборона, действия полиции, работа банков, торговля, транспорт, научные исследования, деятельность правительства и частного сектора - все это связано с нормальной работой компьютеров и информационной сети.

Некомпетентное управление или саботаж компьютерных хакеров могут сделать всю страну неспособной к нормальному функционированию. Не случайна возрастающая тревога по поводу возможностей информтерроризма и кибервойн. Высказываются предположения, что достаточно двадцати квалифицированных хакеров и одного миллиарда долларов, чтобы "под корень" сокрушить Америку. Защитные меры доказывают свою ограниченность и слабость, если даже хакеры-тинејджеры могут проникать в самые секретные информационные системы. Кибервойна набирает темпы. Так, совсем недавно ФБР (сентябрь 2000 г.) предупредило американские компании об угрозе распространения кибервойны, ведущейся палестинскими и израильскими хакерами, на территорию США. Теперь потенциальная угроза приобрела реальные очертания.

Компания Lucent Technologies 4.11.2000 г. объявила о том, что ее сайт подвергся нападению со стороны группы пропалестинских электронных террористов, сообщает www.cnews.ru со ссылкой на CNET. Несмотря на то, что сотрудники службы компьютерной безопасности сумели

вовремя отреагировать на атаку, не дав хакерам нанести какой-либо вред, сам факт такого нападения является знаковым, ведь единственным поводом для кибератаки стало то, что компания Lucent ведет бизнес в Израиле. Эксперты утверждают, что теперь подобных провокаций может ожидать любая фирма, не обязательно американская, так или иначе связанная с одной из сторон конфликта.

Бен Вензке (Ben Venzke), директор компании iDefence, утверждает, что на сайт Lucent одновременно были направлены тысячи запросов, в результате чего он должен был зависнуть (атака Denial-of-Service - отказ в обслуживании). Занималась этим пропалестинская группировка Unity, сайты которой сами подвергались нападениям со стороны израильских групп хакеров.

Если терроризм двинется в этом направлении, то, как предсказывают наблюдатели, он сможет принести значительно больший ущерб, чем от химического или биологического оружия. У информационного терроризма могут быть самые неожиданные и странные, виртуальные мотивы. Это заставляет смещать привычные акценты в изучении непосредственных мотивов терроризма. Раньше казалось вполне достаточным изучать терроризм с точки зрения действия социальных мотивов - борьбы за национальную независимость, за социальное освобождение, за равенство и т.д. Теперь же ключевое значение приобретает исследование индивидуальных мотивов. А это крайне сложная и неопределенная сфера - сфера свободы (или произвола) выбора.

Типы свободного насилия.

Хотя сфера свободы кажется не поддающейся научному изучению, однако она может исследоваться постольку, поскольку находит определенные формы своего эмпирического воплощения. И здесь особый интерес представляют те формы насилия, которые признаются обществом как необходимые жизненные реалии. Характерным примером в этом отношении является культовое насилие.

Существуют различные формы культового насилия. Многие из них считаются предметом этнографических исследований, свидетельством ушедших в прошлое нелепых представлений дикарей, не прошедших школы современной

цивилизации. Исследователи, однако, фиксируют тот факт, что даже в контексте современной цивилизации фантастические представления продолжают действовать, влияя на реальные человеческие отношения.

Известный британский исследователь Дэвид Гельнер, описывая явления хилеров, медиумов и ведьм в долине Катманду (Непал), приводит любопытный случай, свидетелем которого он был сам. Рядом с дамой-медиумом из Лэлитпура проживала молодая женщина, которая не ладила со своей свекровью. Все дети, которых она родила, умерли, и она твердо верила в то, что ее свекровь ведьма и что именно она убила ее детей. Она пришла к медиуму, и та сказала ей, что свекровь на самом деле ведьма и что у этой женщины не будет наследника, который сможет выжить. Если же свекровь умрет, то ее дети будут спасены. Перед лицом всей общины свекровь отвергла выдвинутые против нее обвинения. Однако медиум заявила, что все же она ведьма, и слегка прикоснулась своим ритуальным жезлом к ее виску. Хлынула кровь, свекровь была помещена в больницу. Позднее свекровь по поводу этого ложного обвинения подала заявление в суд. На суде медиум заявила: если свекровь ведьма, то она умрет в ближайшие девять дней. Если не умрет, то она не ведьма. Женщина действительно умерла в течение девяти дней. Судебное разбирательство было прекращено.

Этот случай раскрывает дилемму, которая подталкивает даже родственно близких людей на применение насилия. В данном случае эта дилемма выглядит так, либо остается жить свекровь и будут умирать дети невестки, либо свекровь умрет и дети невестки будут спасены. Совершенно очевидно, что в этой дилемме заключена необходимость той или иной человеческой жертвы. Вопрос, кто конкретно должен быть принесен в жертву, получает свое разрешение в реальном столкновении субъектов взаимодействия. Сама по себе смерть человека бессмысленна. Однако принесение человека в жертву обретает специфический смысл в контексте одухотворения мира. Человеческое жертвоприношение может обретать либо форму признания могущества божества, либо характер извинительной жертвы перед ним за совершенные безнравственные, преступные деяния. И в том, и в другом случае возникает необходимость в субъекте - свободном носителе зла, который решает, какое же насилие, или какое жертвоприношение должно быть совершено, чтобы

восстановить равновесие бытия, связанное со специфическим нарушением гармонического равновесия между человеком, космосом и демиургом (Богом или Высшим Разумом).

Свободный носитель зла становится средством реализации высшего Блага, Добра. Поэтому он наряду с божеством участвует в потреблении священного животного, приносимого в жертву. Хотя животное подвергается закланию, оно не уничтожается. Считается, что священное животное возрождается через ритуал, а человек, потребляющий плоть священного животного, обретает его качества. Сам акт потребления превращается в слияние земного и божественного.

Представление о наличии родственной связи между живущими и умершими, возникшее в Китае в V веке до н.э., создало предпосылки для человеческих жертвоприношений как "жалованья" мертвым за то, что они выступают просителями перед божеством за верховного правителя Китая. Считалось, что без этого земное процветание невозможно.

Какие же реалии могут стоять за этими представлениями? В таких представлениях фиксируется сложное информационное отношение: исторический опыт выявляет ту истину, что приоритет частного интереса приносит индивиду личный успех. Вместе с тем эта жизненная установка, воспринятая в качестве общей истины, ведет к эрозии социального целого - разрушению общины, падению государства. Утверждение приоритета общего происходит путем освящения насилия и человеческого жертвоприношения.

Этим объясняется и возникновение массового представления, согласно которому насилие над личностью, мучения людей являются свидетельством приближения всеобщего спасения. Ранние мученики за христианскую веру, например, были убеждены, что их страдания являются основанием их воскресения, своеобразным "пропуском" к Христу. Игнатий Антиохский заявлял, к примеру, что он надеется на то, что будет разорван на части зубами диких зверей и сможет превратиться в пшеницу для хлеба Господа Бога.

Рельефным примером утверждения общих нравственных принципов над частным интересом можно считать культ

Бусидо, возникший в Японии в эпоху Токагава. С ним связано ритуальное самоубийство самурая. Оно осуществляется для того, чтобы не выходить за установленные нравственные границы, избежать плена во время войны, выразить свой протест господину в том случае, когда тот не последовал мудрому совету.

Осмысленное ритуальное самоотрицание индивида практически утверждает общие нравственные принципы. В этом отличие ритуального самопожертвования от принесения в жертву других индивидов. Все вышесказанное объясняет, почему человеческие жертвоприношения могут иметь массовый характер. Показательны жертвоприношения ацтеков. Они считали, что боги питаются людскими органами. И если жертвоприношения сокращаются, то наступает голод, другие стихийные бедствия. Одним из важных мотивов войн, которые вели ацтеки, было стремление взять как можно больше врагов в плен, чтобы приносить в жертву кровь и сердца людей.

В соответствии с космологией ацтеков боги сами принесли себя в жертву ради того, чтобы вошла заря и солнце начало свое движение по небу. Подготовка жертвоприношения длилась четыре дня и включала в себя различные церемониальные акты. Военнопленные и рабы, которые приносились в жертву, принимали специальную ванну и обряжались в костюмы, соответствующие облику богов, которым надо было принести жертвы. Характерно, что эти жертвоприношения сопровождалось каннибализмом. Каннибализм - это особенно трудное для понимания явление.

Н.Тинберген, исследуя специфику человека сравнительно с другими видами животных, отмечал, что среди многих тысяч биологических видов только человек ведет разрушительную борьбу. *"Человек уникален тем, что он составляет вид массовых убийц; это единственное существо, которое не годится для своего собственного общества. Почему же это так?"* Это вопрос о специфике агрессивности человека.

Тип поведения, нерациональной с точки зрения сохранения жизни, - специфическое явление, свойственное человеку. Оно кажется абсурдным. Между тем именно человек именуется "господином природы". Другая сторона той же загадки.

Таким примером нерационального для сохранения жизни типа поведения и можно считать каннибализм. Антропологи отличают эндоканнибализм, характеризующийся поеданием членов одной и той же группы, от экзоканнибализма, потребления в пищу членов другой, часто враждебной группы. Никак нельзя принять упрощенные объяснения каннибализма нехваткой пищи или перенаселенностью. Такие объяснения игнорируют многие факты, свидетельствующие о связи каннибализма с представлениями о влиянии на человека сверхъестественных сил.

В религии ацтеков Солнце, являющееся покровителем воинов, "требовало" себе в пищу человеческие сердца и кровь. Конечности и другие части тела готовились в пищу знатым и богатым последователям религии ацтеков.

Представители некоторых африканских секретных обществ, символами которых были человек-леопард или аллигатор, рассматривали каннибализм как необходимое условие принадлежности к группе. Каннибализм может быть понят лишь в определенном культурном контексте: противоестественное явление начинает обретать смысл от привнесенной в него идеи. Каннибализм нередко сочетается с ведьмовством, способом обретения личной власти путем потребления своей жертвы.

Идея обладает свойством универсализации поведения. Универсализация - это меч, рассекающий естественные склонности, конкретные привязанности, подчиняя их себе. Потенциально человек, подчиняющийся логике идеального самоопределения, обретает свободу. Он может быть как всем, так и ничем, следовать бесконечному разнообразию принципов и отрицать их как заблуждения. Только человек может определить свой путь как самоисключение из эмпирического бытия. В этом его принципиальное преимущество перед всеми биологическими видами. Но здесь заключен и потенциальный источник универсальной деструктивности.

Общество инстинктивно стремится к тому, чтобы заложить в каждого индивида такой код поведения, который предопределяет приоритет позитивных нравственных и социальных ценностей. Страх общины перед независимыми индивидами, игнорирующими общие

структуры поведения, не случаен. Индивид, следующий лишь своим личным устремлениям, своей воле, способен привести к гибели всю общину, принести ее себе в жертву. Следование сложившимся общим нормам, однако, также включает в себе непростые проблемы. Общие нормы, хотя они и относительно константны, формируют тип поведения народов, амбивалентный по своему содержанию и смыслу.

Характерно отношение общества к колдунам и ведьмам. Так, например, африканские общества, чтобы ограничить влияние колдунов, воздействовавших на судьбы и жизнь людей, обвязывали их сухими банановыми листьями, а затем сжигали. В XIX веке многие колдуны были устранены таким способом. Аналогичным образом личности, обладающие сверхъестественной способностью создавать разного рода проблемы и трудности, получали такое же наказание, как и колдуны. До встречи с европейцами наказание, как правило, следовало сразу же: иногда ведьму убивали, иногда получали соответствующую компенсацию или прибегали к смертельной магии. Исполнял наказание обычно кровный родственник жертвы.

В Европе магические силы активно использовались средневековой церковью. Уже апостолы ранней церкви привлекали последователей, показывая чудеса и поражая людей различными сверхъестественными излечениями. Останки святых превращались в фетиши, обладающие силой излечивать различные болезни и защищать от опасностей. Освящали соль и воду как для укрепления здоровья, так и для изгнания злых духов. Самым распространенным амулетом был *agnus dei* - маленький торт из воска, приготовленный из пасхальных свечей, освященных папой. Он был защитой от дьявола, грома и молнии, огня и затопления. В 1591 году в Оксфорде некто Джон Аллен продавал кровь Христа по двадцать фунтов за одну каплю 10. Все имевшие кровь Христа считались защищенными от телесных болезней. Месса также ассоциировалась с магической силой.

Чем же в таком случае священник отличался от мага? Во-первых, социальным положением. Во-вторых, использующий молитву христианин не мог быть уверен в успехе, тогда как маг учил тому, как контролировать оккультные силы.

Утверждение протестантизма, как известно, связано с пересмотром таинств церкви, отрицанием необходимости крещения для спасения. Пуритане отрицали особые качества святой воды, возражали против знака креста, а конфирмация отвергалась ими как колдовство.

Фундаментальное различие между религией и магией с критических позиций протестантизма выглядит как различие между словами молитвы, которые обретают силу лишь при включении Бога в их действие, и чарами слов, которые действуют сами по себе, автоматически. Без размывания двойных стандартов, применяемых к церковным ритуалам, с одной стороны, и ритуалам магическим - с другой, Европа вряд ли смогла освободиться от периодически возникавших волн насилия над личностью, связанных с "охотой на ведьм" и преследованием ересей.

Конечно, терпимость к религиозным конфессиям, официально признаваемым и способствующим укреплению общественной нравственности, и терпимость к колдовству, магии, которые используются отдельными лицами в своих интересах против других лиц, - это, как говорится, "две большие разницы". Вместе с тем с колдовством могут отождествляться также те или иные религии.

Так, в частности, произошло с известным культом Вуду, который на Гаити является религией большинства. Эта религия была занесена на Гаити рабами, завезенными из Дагомеи. Рабовладельцы боялись колдовства своих рабов и считали ритуалы Вуду, о которых они почти ничего не знали, ритуалами секретного общества, связывающего людей страшными клятвами.

В 1884 году британский консул Спенсер Сент Джон написал книгу, в которой утверждалось, что ритуалы Вуду представляют собой убиение и поедание детей в честь бога-змеи. В XX веке об этом много писал американский журналист Сибрук, который находился на острове во время американской оккупации в 1915-1933 годы.

В действительности Вуду - это религия, соединяющая пантеоны христианских святых и африканских богов. Однако ее ритуальные церемонии мало что заимствуют из христианской литургии и состоят из танцев и пения, во время которых некоторые участники оказываются во власти духов, заставляющих их действовать в специфической для данного

духа манере. Роль священнослужителей культа Вуду заключается в защите своих пациентов от колдовства и излечении его предполагаемых жертв. Считается, что у наиболее удачливых индивидов есть близкие им помощники - зомби, поднятые из могил мертвецы. Это представление - часть дагомейской традиции.

Некоторые антропологи отмечают специфику африканского представления о ведьме как предателе, тайном враге, который прикидывается другом. Соответственно для африканских обществ характерен страх перед неизвестными личностями, планирующими разрушение всей нации. Очевидно, что подобное присуще и европейской ментальности, тем политическим формам "охоты за ведьмами", которые получили распространение в XX веке.

Культ разума и насилие.

Как известно, философия Просвещения связывала насилие непосредственным образом с обскурантизмом, массовым распространением ложных представлений. Утверждение принципов Разума в качестве специфического культа считалось действенным средством освобождения истории от ее пороков, неоправданного применения насилия. Считалось, что разумный человек - это человек естественный, с нормальными запросами и потребностями, свободный от предрассудков. Позитивные качества человека полагались как бы заложенными в нем самой природой. Социальная среда мешала проявлению этих качеств, и ее следовало изменить, чтобы наступило царство социальной гармонии и вечного мира.

Поскольку, однако, изменение социальной среды само по себе не вело к рождению идеального человека, то стали возникать концепции "новых людей", "сверхчеловека", которые должны сформироваться посредством усвоения определенных идеалов, выделяющих "правильных" индивидов из "неправильной" массы.

В конечном счете, общественное сознание восприняло представление, согласно которому проблема насилия может быть решена тем же самым способом, каким решается любая техническая задача: необходимо научное исследование вопроса, осмысление его природы с последующим определением механизмов и этапов его решения. Но здесь исследовательская мысль столкнулась с двумя

неожиданными проблемами, которые рельефно обнажились в XX веке: парадоксом эры науки и кризисом просветительского представления о том, что природа человека - это сосуд, наполненный стремлениями к Добру.

[Предыдущая
глава](#)

[Оглавление](#)

[Следующая
глава](#)

Глава 6. Парадокс эры науки.

В двадцатом столетии человечество встало перед проблемой ядерного Апокалипсиса, а вместе с ней и надежности своего бытия. Фатальная угроза третьей мировой войны усматривалась в глобальной идеологической конфронтации.

Идеологическая дихотомия была устранена. Но это не сняло проблему надежности. Человечество подходит к рубежу двадцать первого столетия, ожидая глубинных цивилизационных разломов с ужасающими последствиями для всех. Теоретическая мысль пытается открыть первопричины катастрофических тенденций общественного развития и найти возможные контрмеры для их изменения.

Почти что рефлексивно и социальные теоретики, и политики хватаются за два рычага, позволяющих сузить сферы действия глобальной деструктивности. Это, во-первых, мировое правительство и, во-вторых, утверждение в международных отношениях принципов разума.

Угроза тотальной деструктивности, однако, возникает не только на глобальном уровне. Путь к установлению мирового правительства лежит также через ликвидацию суверенитетов отдельных народов, что само по себе чревато взрывом насилия. С утверждением в самосознании народов принципов разума, к сожалению, дело обстоит не так просто.

Философская мысль издавна рассматривала разум как фундаментальную предпосылку надежности бытия человека. Разум позволяет избегать опасностей. Он служит основой решений, которые не только в данный момент, но и в перспективе служат интересам жизни.

Как ни странно, но это представление о практических функциях разума оказалось поколебленным в результате триумфа научно-технической ментальности. Он принес

человеку материальное процветание, но вместе с тем и взрыв деструктивности. Корни этого явления уходят в начало эпохи Просвещения. В самом деле, в XVI веке основные европейские державы имели 87 военных сражений, в XVII - 239, в XVIII - 781, в XIX - 651, в 1940-1990 годы - 892 13.

Чем же объяснить, что освобождение общественного сознания от религиозного фанатизма (а это и была одна из главных задач Просвещения) порождает кумулятивное нарастание разрушительных конфликтов? Ведь гении Просвещения были убеждены в том, что преодоление религиозного фанатизма создаст условия для искоренения религиозных войн, утверждения эры толерантности. Торжество научной ментальности казалось базой терпимости, установления гражданского и всеобщего мира.

Однако нарастание могущества интеллектуальных, а вместе с тем и технических сил и возможностей человека ведет к фрагментации разума, сужению его социальных мировоззренческих ориентаций. Абсолютизация идеологических национальных, этнических, классовых, групповых, а в конечном итоге индивидуальных интересов - таков путь фрагментации разума, порождающей кумулятивный рост конфликтов во всех сферах жизни.

Как оказалось, "абсолютные" идеологические истины становятся предпосылкой массовых убийств. Это требует теоретической коррекции традиционных представлений, согласно которым жестокость массовых убийств можно объяснить лишь разрушением разума. Дело в том, что причиной массовых убийств может быть специфическая, а именно - предвосхищающая рациональность.

Когда говорят об экономической эксплуатации, получении от нее физически ощущаемых выгод или о политическом и духовном господстве, требующем применения насилия, то все здесь кажется предельно ясным. Причина насилия перед нами.

Другое дело - предвосхищающая рациональность. Она требует не столько фиксации того, что наличествует здесь и теперь, сколько ясновидения будущего. Наличие информации о будущем становится причиной действий в настоящем. Подчас предвосхищающая рациональность воспринимается как нечто исключительное, как явление неординарное, пример страшного греха, который не следует повторять ни

при каких обстоятельствах. Царя Ирода считают вечным злодеем, единственным в своем роде. Между тем его можно с полным правом считать первооткрывателем политики превентивного уничтожения. Чтобы наверняка уничтожить младенца Христа, он приказывает уничтожить всех младенцев, оказавшихся в том месте, где родился Христос. Царь Ирод стал символом бесчеловечности. Однако определение данной конкретной формы массового убийства как бесчеловечности не устраняет бесчеловечность как таковую. Достаточно напомнить о Варфоломеевской ночи. Мотив превентивного уничтожения, когда в нем возникает необходимость, подчиняет себе любые религиозные и нравственные принципы.

Характерно в этом отношении массовое убийство, совершенное в Америке в 1857 году и получившее название "убийство в Маунтейн Мидоус". Произошло следующее. Религиозная община мормонов вела себя слишком самостоятельно и не всегда подчинялась Федеральному правительству. Президент решил направить в штат Юта войска, чтобы установить порядок. Мормоны же в ответ опубликовали декларацию, запрещающую вступление войск на территорию штата и объявляющую, что они будут биться до последнего в каньонах и в горах. Федеральные войска были вынуждены отступить, чтобы подготовиться к весенней кампании. В это время на территорию штата вступила группа из 140 эмигрантов, направлявшаяся в Калифорнию. Некоторые из эмигрантов вели себя неподобающим образом, обижали индейцев, оскорбляли женщин мормонов и запускали свой скот на их поля.

В ответ индейцы атаковали эмигрантов, и семеро из них были убиты. В итоге эмигранты попали в осаду. Они направили трех человек, чтобы известить федеральные войска о своем положении. Однако двое из них были убиты индейцами, а один мормонами. Чтобы скрыть эти убийства и предотвратить ввод федеральных войск на территорию штата, миссионер мормонов Джон Ли собрал 50 мормонов и договорился с индейцами о полном уничтожении эмигрантов. При этом индейцы брали на себя уничтожение женщин и детей, поскольку мормоны не могли проливать невинную кровь. Мормоны же должны были уничтожить всех взрослых мужчин. Эмигрантам пообещали полную безопасность при прохождении по территории штата. Но в итоге они были уничтожены. Характерно, что массовое убийство

совершалось со словами: "О Господь, мой Бог, прими их души, ибо мы делаем это во имя твоего царствия". Сам Джон Ли не ушел от возмездия. Через двадцать лет он был казнен на месте преступления.

Стремление к превентивному уничтожению закономерно ведет к искажению нравственных принципов. Поскольку это стремление становится массовым, то извращенная нравственность воспринимается как социальная норма, диктующая содержание общественного долга.

Формы превентивного уничтожения.

Общественное сознание формируется в трех измерениях времени. Прошлое дает опыт, на котором базируется историческая информация. Будущее проясняет потенциальные угрозы, заложенные в настоящем. Превентивное уничтожение воспринимается общественным сознанием как разрешение проблем будущего в настоящем. Превентивное уничтожение - это не война. Это социальная "профилактика", санация, позволяющая устранять источники заражения социального организма. Опасными социальными вирусами такого рода обычно считаются определенные этнические и социальные группы. Так рождается потенциал массовых убийств.

Применительно к ситуации информационного общества необходимо особо учитывать появление все более совершенных технических средств массового внушения. Это обеспечивает стандартизацию нравственно извращенного поведения. Противоречие между совестью как истинным индивидуальным нравственным сознанием и стремлением к превентивному уничтожению снимается утверждением приоритета идеологически обусловленного понимания общественного долга. Очевидно, что для устранения угроз, которые привели в XX веке к гибели десятков миллионов человек, недостаточно принять экономические и социальные меры. Необходима обоснованная политика, обеспечивающая очищение сознания от исторических и идеологических предрассудков, полноту информации и формирование адекватных нравственных представлений.

В начале XX века, в 1915 году, произошло массовое убийство армян, проживающих в Турции. Они воспринимались как потенциальная угроза. Для ее устранения было принято решение, в соответствии с которым

все армяне, служившие в рабочих батальонах, а также все старше пятнадцати лет были собраны в городах, поселениях, деревнях, вывезены в незаселенную местность и убиты. Число убитых, по разным оценкам, колеблется от четырехсот тысяч до миллиона человек.

Соблазнительно допустить, что это ужасное преступление - проявление специфической врожденной азиатской жестокости. Однако тот же тип ментальности и с еще большим размахом действовал и в Европе.

Показателен в этом отношении холокост - массовое уничтожение евреев нацистами. При этом были использованы современные технические средства, созданы специальные производственные мощности - "фабрики смерти", в массовое убийство были внесены элементы плановости. Это был "рационализм" превентивного уничтожения в своем техническом воплощении.

Характерно, что исходным принципом превентивного уничтожения могут служить как этнические, так и социально-классовые признаки. Все зависит от господствующей идеологической доктрины. В Камбодже, например, людей уничтожали по социально-классовому и образовательному признакам. Образованные классы, исходя из доктрины справедливого общества, считались его потенциальными врагами и поэтому подлежали высылке и систематическому уничтожению. В 1975-1979 годы в результате такой политики погибло около двух миллионов человек.

Для превентивного уничтожения людей может быть принят и такой критерий, как принадлежность к оппозиции. Так, в Аргентине, когда к власти пришли военные, они начали расправу со всеми оппозиционерами режима, партизанами. Их тайно похищали и убивали, сбрасывая с вертолетов в океан. Что это за люди, которые в эру науки, разума и гуманизма создают возможность практической реализации жестоких и безумных идей массового насилия? Попытку ответить на этот вопрос сделал Эрих Фромм.

Разгадка психологической загадки?

Эрих Фромм исходит из представления, согласно которому *"деструктивность и жестокость не являются сущностными чертами человеческой природы"*. Вместе с тем

массовое применение насилия - признак того, что общий разум "ушел" из реальной жизни.

С точки зрения государственной ментальности применение насилия так же естественно, как то, что лев питается мясом. Вопрос возникает лишь в связи с мерой использования насилия как средства управления общественной жизнью.

Здесь можно выделить два возможных полярных подхода.

Первый. Сужение сферы действия индивидуального насилия, подчинение разрозненных индивидуальных волей единой государственной воле требуют утверждения страха, заставляющего всех подчиняться верховной власти. А это возможно в том случае, если воля верховной власти подкреплена реальной возможностью применения насилия на всех уровнях и во всех основных звеньях жизни общества. Имеется в виду, что люди не способны сами по себе следовать принципам общего разума, они следуют лишь своей собственной воле, что превращает общественную жизнь в хаос.

Второй. Индивиды могут сформировать в себе такие качества, установить такую систему взаимных отношений и правил общежития, которые, сохраняя их свободу и, освобождая их от страха, позволяют сделать жизнь общества мирной, целесообразной и упорядоченной. Кризис веры в общий порядок жизни ведет к серьезным психологическим сдвигам, к расширению бессмысленной деструктивности, возникновению ненависти ко всему.

Э. Фромм выделил факторы, побуждающие к тому, чтобы разрушать ради разрушения, ненавидеть ради самой ненависти. Это некрофилия, т. е. любовь к мертвому, закоренелый нарциссизм и симбиозно-инцестуальное влечение. На этой почве получают развитие так называемые злокачественные формы деструктивности. Эти факторы оказывают широкое воздействие в условиях, когда надежность бытия становится фундаментальной проблемой.

По мысли Э. Фромма, биологически адаптивная агрессия способствует поддержанию жизни. Она является доброкачественной. Злокачественная агрессия не связана с сохранением жизни. Главные ее проявления - убийство и

жестокие истязания - не имеют никакой цели, кроме получения удовольствия.

Непреднамеренная агрессия (случайное нанесение ущерба), игровая агрессия (учебные тренировки, не имеющие разрушительных целей), агрессия как самоутверждение (наступательность, необходимая для достижения цели), оборонительная агрессия (как реакция на угрозу жизненным интересам), агрессия как выражение потребности в свободе, конформистская агрессия и инструментальная агрессия как стремление к тому, что желательно, - все это, считает Э. Фромм, нормальные формы поведения человека в обществе. Они служат делу жизни.

Злокачественная же агрессия связана со специфическим влечением мучить и убивать, поскольку при этом испытывается, как было сказано выше, удовольствие. К. Лоренц рассматривает внутривидовую агрессивность как функцию биологического выживания рода. Он видит в человеке лишь продолжение биологического вида, цельного в своей инстинктивной определенности. И это весьма сомнительно. Если агрессивность носит инстинктивный характер, то остается неясным, почему она проявляется по-разному у различных людей и обретает бессмысленную форму. Специфика инстинкта - это рациональность и единообразие действия у всех без исключения представителей данного вида. Другой стороной односторонней биологизации человека является не менее искусственное превращение живого мыслящего человека в бездумного робота. Это новая форма самоизоляции человека от тех нравственных проблем, которые не могут решаться разумом.

Аналогичную функцию может выполнять рождение новой мифологической волны. В этой связи нельзя не обратить внимание на реанимацию древних мифологических представлений в качестве символа родины, крови, расы, корня и вместе с тем хаоса смерти. Мать-Земля - это почва всего живого и вместе с тем его могила. Классический тип этого представления - индийская богиня Кали, богиня смерти и разрушения. Любовь матери невозможно заслужить, ибо она не ставит никаких условий, но и ненависти ее невозможно избежать, ибо для нее также нет "причин".

На фоне таких мифологических представлений кажется, более рациональной интерпретация жизненных злоключений

человека как следствия влияния на его судьбу тех людей, которые реально желают ему зла. Когда очевидцы сталкиваются с такими явлениями, как движение Мау Мау в Кении, которое характеризуется как тайная секта, стремящаяся к дикости и ведьмовству, то они пытаются объяснить их возникновение по аналогии с известными социальными явлениями - движениями за независимость или колдовской практикой в Европе. Между тем неприличные ритуалы, характерные для этого движения, не укладываются ни в одно привычное представление. Ритуалы и клятвы, присущие адептам этого движения, направлены на то, чтобы развязать все сдерживающие неприличные формы поведения узлы. Инструкции по каннибализму и сексуальным ритуалам в ходе церемоний принятия клятвы более изобретательны по сравнению с любым европейским учебником по ведьмовству или с африканской мифологией. Приверженцы Мау Мау дают клятву в том, что они по первому требованию совершат подвиг или убийство врага, если даже этим врагом окажутся отец или мать, брат или сестра.

Человек становится подлинным приверженцем правил Мау Мау, если он признается в самых низменных поступках, которые совершил. Речь, таким образом, идет о том, чтобы выявить свою низменную сущность, а затем стать сознательным участником движения, которое такого рода сущность превращает в общий принцип поведения. Этот принцип утверждается для того, чтобы адептов сделать потенциальными предателями в отношении всех, не входящих в круг движения Мау Мау.

Мы имеем дело со специфическим смешением эмпирической ментальности, свойственной науке, с фетишистским сознанием. И в том и в другом случаях абсолютным ориентиром служит конкретный эмпирический ориентир - движение, партия, лидер, а не принцип как таковой. Правомерно предположить, что эмпирическая нравственная ориентация и делает неизбежным массовое насилие, становящееся следствием войны всех против всех. В этой ситуации и выявляется специфическая социальная функция антропоцентрической философии.

Антропоцентрическая философия и ненасилие.

Антропоцентрическую философию можно считать реалистическим взглядом на ситуацию современного человека, утратившего защиту высших сил и вместе с тем

осознающего собственное бессилие. Антропоцентрическая философия легитимизирует приоритетный характер защиты индивида. Эта защита имеет две основных ипостаси.

Первая - определение прав человека и утверждение необходимости их гарантий в государственном законодательстве и политике. Эта линия кажется наиболее существенной в обеспечении надежности бытия.

Вторая - изменение характера сакрализации, видения той высоты, которая определяет отношение человека к самому себе. Это позволяет понять скрытые мотивы поведения.

В XX веке в поле зрения социальных исследователей оказываются массовые проявления садизма и мазохизма. Из индивидуальных явлений они превращаются в социальные. Настоящий садист, отмечает в этой связи Э.Фромм, - человек, одержимый страстью властвовать, мучить, унижать других людей. *"Садизм (и мазохизм) как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом"*. Садизм дает ощущение абсолютной власти над другим существом - это один из способов самовозвышения. Садизм, согласно Э. Фромму, *"есть превращение немощи в иллюзию всемогущества"*. Всемогуществом, хотя и иллюзорным, теперь может обладать рядовой человек.

Иллюзия всемогущества, однако, имеет своим истоком и определенную реальность. Индивид, следующий зову всемогущества, вызывает у людей страх и трепет. Страх обусловлен возможностью быть подвергнутым самому гнусному унижению; трепет порождается изумлением перед абсолютной свободой. Она кажется реальной именно потому, что ее суть выходит за пределы всякого смысла. Это свобода духовных уродов.

Но существует и магия абсолютной свободы. Ее природа не совсем ясна. Здесь ясно лишь то, что она проявляется в способности бытия в крайностях. С этим связано возрастание риска бытия. В современных условиях наблюдается усиление общественного внимания к принципу ненасилия. Это вызвано стремлением вывести жизнь человека из расширяющихся зон риска. С ростом общественных движений, следующих этому принципу,

оказывается связанным и кризис традиционных форм государственного регулирования общественной жизни.

Содержание принципа ненасилия, конечно, неоднозначно. Исторически в практике жизни складываются альтернативные - "жесткие" и "мягкие" - варианты применения принципа ненасилия. Это отчетливо прослеживается в религиозных традициях Индии. В джайнизме следование учению ахимсы (ненанесения ущерба) приняло настолько радикальный характер, что случайное убийство любого живого существа, даже насекомого, считается серьезным препятствием на пути к кармической чистоте.

В буддизме акт убийства считается состоявшимся лишь при наличии пяти условий: нечто должно жить; килер должен знать, что нечто является живым; он должен иметь осознанное намерение убить; должен быть свершен акт убийства; нечто должно в действительности умереть.

Буддист может питаться мясом, и это не будет считаться грехом, поскольку он не принимает непосредственного участия в убиении животного. Буддист может пользоваться вооруженной защитой, поскольку он не планировал убийство.

Человек реально стоит перед фундаментальной нравственной проблемой: бескомпромиссное следование принципу ненасилия представляется правильным, но оно делает невозможной жизнь самого человека. Способен ли человек выбрать свою смерть ради того, чтобы следовать истине принципа? Когда человек сталкивается на деле с проблемой использования насилия и даже убийства для сохранения своей жизни, как и жизни близкого ему человека, наступает момент истины.

Человек желает вечности бытия тех реалий, без которых его жизнь лишается позитивного смысла. Стало быть, к пониманию подлинности сверхъестественного мира человек приходит через открытие абсолютной значимости для него эмпирических реалий особого рода. Сверхъестественное "разлито" в эмпирическом, но таким образом, что оно выявляется в восприятии отдельных индивидов как сверхъестественное для них. Общее сверхъестественное также возникает не как абстракция, а как общий индивидуальный символ.

Например, Будда, конкретная личность, определившая истинный путь жизни, обретает характер общего символа и становится Богом. То же самое происходит с Иисусом Христом, но через насилие над ним. Применение насилия к Иисусу Христу оказывается не обычным актом убийства. Насильственная смерть Христа воспринимается как нравственная необходимость для окончательного выявления его сверхъестественной сущности. После воскресения римские палачи оказываются в нравственной лепрозории и должны принять кару.

В реальной истории палачи и их жертвы постоянно меняются местами. Перемена мест определяется изменением знака освящения. Это может быть и религиозное, и теоретическое освящение. Рациональный смысл сущности освящения заключается в открытии. Открытие в данном случае не есть новое знание об объективности, а видение истины бытия. Это видение духовно наполняет жизнь и вместе с тем заставляет массу увидеть нравственную цель. Открытие на межличностном уровне есть создание истинного эмпирического мира. Истинная эмпирия - это мир особых отношений, наполненных смыслом. Человек знает их высокую ценность. Характер особых отношений определяется тем, что каждая их составная - фундаментальный аспект жизни индивидуальности. Именно эта жизнь становится микрокосмом благодаря включенности мира в его внутреннюю духовную жизнь. Всеохватная наполненность создает реальное чувство бесконечности. Вне микрокосма нет подлинной жизни. С этим и связано позитивное сакральное чувство, которым наполнен человек, несущий микрокосм внутри себя.

В своем эмпирическом воплощении абсолютное обретает многообразные, в том числе социальные и этнические, формы. Социальное и этническое абсолютное формируют пограничные линии насилия и ненасиления. Эта закономерность начинает действовать уже в отношениях духовных единоверцев.

Внутри протестантизма, например, противопоставившего Ватикану подлинное истолкование Нового Завета, возникли течения, отказывающиеся от ношения оружия и насилия (вальденцы, табориты, анабаптисты, меннониты, квакеры). И вместе с тем они подвергались преследованиям - вплоть до сожжения на

костре - со стороны своих же единоверцев-протестантов. Ислам по своему определению является религией мира. Однако духовный лидер имеет право объявлять "газават" - священную войну мусульман против иноверцев.

В наше время принцип ненасилия нашел своеобразное применение в освободительной антиколониальной борьбе. Махатма Ганди, стремясь к тому, чтобы избежать кровопролития, рассматривал принцип ненасилия (ахимсы) под углом зрения несотрудничества с колониальными властями. Эта стратегия дала, как известно, поразительный эффект. Ненасилие как несотрудничество - специфически современная форма самовозвышения и нравственного воздействия. Социально высокий здесь унижается тем, что социально низкий ставит себя выше его в нравственном отношении. Вместе с тем это форма утверждения собственного высокого достоинства. Такое признание делает неэффективным в социальном смысле применение насилия.

Насилие создает вокруг себя безличностный псевдочеловеческий мир, удобный в том отношении, что составляющие его элементы соглашаются со своей ролью средства. Если эта цель не достигается, то насилие теряет социальный смысл. Здесь открывается совершенно неожиданная возможность противодействия деструктивному насилию через массовое осуществление принципа позитивной самореализации. Этот принцип открывает перед человеком возможность внести вклад в формирование цивилизационного кода, который наследуется из поколения в поколение. Через такую самореализацию человек приобщается к вечности. Через приобщение к бытию рода путем формирования его культурной парадигмы человек получает понимание истинного смысла бытия. Все остальные смыслы оказываются пеленой майи. Подлинный смысл обнаруживает путь к новой парадигме образа жизни.

Глава 7. Три источника и три составные части нынешней ситуации.

Распад СССР и роспуск Варшавского договора ознаменовали переход к постблоковому миру и, следовательно, устранение потенциальной угрозы глобального конфликта, ядерного апокалипсиса и прочих кошмаров, которыми пугали детей и взрослых по обе стороны железного занавеса... Не будем говорить, что это,

безусловно, позитивный процесс, который, однако, поставил мир перед новыми проблемами, и вместо благостного "конца истории" (по Ф.Фукуяме) человечество угодило в "капкан демократии" (по Г.Фуллеру), и так далее, и тому подобное. Политическая реальность не только не нуждается в моральных оценках, но и по-своему жестоко мстит за такое, как сказал бы герой Достоевского, "высшее посягновение". Задача ставится более скромная - попытаться понять, какова структура этой реальности и каков потенциал ее развития. Проще говоря, что день грядущий нам готовит в рассуждении мира и войны.

Потому что вздох облегчения, исторгшийся из коллективной демократической груди по поводу крушения коммунистической "империи зла", довольно скоро пресекался спазмой страха. И это не абстрактный страх перед столь же абстрактной возможностью советского танкового броска на Рейн или угрозой американских ракет средней дальности в Европе. Это вполне реальный, пережитой ужас Югославии и Таджикистана, Кавказа и Сомали, который проецируется на Украину и Молдову, Балтию и Калининград, Северный Казахстан и даже на благополучные страны Запада, где полно своих собственных сепаратистов, смуглокожих иммигрантов и белых расистов.

Противостояние двух гигантских военных блоков на сорок с лишним лет заморозило этнические и региональные конфликты в Европе (и отчасти в остальном мире, который, так или иначе, ориентировался на своих старших братьев). С наступившей оттепелью потоки национального насилия образовали глубокие промоины в дамбах мировой безопасности. Вместо аккуратной и предсказуемой "дуги нестабильности", возникшей в пору холодной войны, интенсивно формируются "пятна нестабильности" с расплывчатыми границами. Эти границы опасно сближаются. Балканы, Трансильвания, Приднестровье, Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Ближний Восток, Центральная Азия и Восточная Африка могут, в конце концов, слиться в единое "пятно нестабильности", в огромную воронку, втягивающую в себя все новые и новые страны, ресурсы, человеческие жизни. Как бы то ни было, мирное демократическое развитие, на которое все так надеялись после окончания холодной войны, с каждым днем становится все более и более проблематичным. Конец блокового противостояния обозначил начало новой странной эпохи, когда само понятие

о войне и мире изменилось до неузнаваемости, хоть насилие и смерть остались все теми же.

Специфика постблоковой ситуации определяется не только распадом СССР самим по себе, хотя это событие и определило политический контур информационных и иных процессов, происходящих в мире. Однако распад Восточного блока сопровождался - а может быть, был обусловлен? - тремя масштабными сдвигами в мировом политическом раскладе.

Во-первых, на наших глазах радикально меняются мировые структуры доминирования. Нравится нам это или нет, но мировой порядок (а также национальный, региональный, социальный и любой другой порядок) основан на жестком принципе господства и подчинения. Кто-то контролирует и распределяет ресурсы, а кто-то вынужден этому подчиняться, при этом, вынашивая или даже осуществляя планы переломить игру в свою пользу, заставить бывшего хозяина примерить кандалы и хлебнуть из рабского корыта.

Итак, прежняя система доминирования держалась на противопоставлении военных технологий малонаселенного Северо-Запада людским ресурсам слаборазвитого Юго-Востока. Эти факторы - грубо говоря, либо способность высокотехнологично уничтожать своих соседей, либо альтернативная способность заваливать вражеские танки телами своего чадолюбивого народа - делают нацию субъектом мировой политики. Равновесие между ними составляет основу некоторой политической стабильности и военной сдержанности. В настоящее время этот баланс претерпевает драматичные изменения. Страны, обладающие огромными людскими ресурсами и мощным потенциалом их прироста, начинают интенсивно развиваться экономически и, тем самым, овладевать современными военными и информационными технологиями. Тот момент, когда этот процесс завершится - то есть когда совершенная военная и информационная технология и практически неисчерпаемые людские ресурсы соединятся в одном субъекте (например, Китай или Индия), - будет началом новой исторической эпохи. Тогда под вопросом окажется реальная способность Северо-Запада играть в мировом процессе ту роль, которую он играл на протяжении последних столетий.

Что такое продажа российских атомных реакторов Ирану, а до того - продажа ракет в Индию, проблема ядерных планов Пакистана, Ирака, Северной Кореи и множество других, не столь ярких эпизодов "непозволительного поведения" стран, волей недавней истории занимающих нижние ступени на всемирной лестнице силы? Все это показатели изменения мировых структур доминирования. Этот процесс объективен и естествен, в его рамках идет индустриальное развитие Юго-Востока, а также интенсивная миграция оттуда на Северо-Запад. Но сам Северо-Запад столь же естественно заинтересован в том, чтобы заморозить или хотя бы несколько притормозить столь резкие перемены в мире. Но перестройка систем доминирования неостановима, и в мировом, и даже в локальном масштабе. Иллюстрация тому - события в Чечне, где небольшой, но густонаселенный и хорошо вооруженный регион оказался не по зубам федеральной российской армии.

Второй момент - взрыв этнических конфликтов. Общенациональные модели консолидации, столь успешно работавшие в период индустриальной модернизации, практически повсеместно замещаются этническими и этнорелигиозными консолидациями.

На первый взгляд может показаться странным, что этносы борются за независимость, за собственную государственность в то самое время, когда свобода передвижения людей, идей, технологий и капиталов сводит на нет реальное значение государства. Однако на деле это не столько ирония истории, сколько естественный поиск новых "групп поддержки" и новых моделей консолидации в условиях разрушения старых.

Этнизация политической жизни ставит под вопрос классические ценности демократии, права человека, не говоря уже о таких базовых параметрах международной стабильности, как суверенитет существующих режимов и нерушимость границ. Хельсинкский Акт 1975 года, воспринятый как победа демократических идеалов и здравого смысла, на деле оказался последним актом государственной мудрости эпохи блокового противостояния. Эта мудрость капитулировала перед жестокой реальностью этнической вражды.

И последнее. В конце XX века завершился длившийся почти двадцать пять столетий платоновский период мировой

истории, период "этатизма", торжества идеи государства. Платоновские идеалы наиболее полно воплотились в советском тоталитарном государстве, а его гибель засвидетельствовала крах "этатизма" в мировом масштабе.

В условиях открытого мира, взрыва этнических конфликтов, крушении тоталитарных режимов и перестройки систем доминирования на смену "этатизму" пришла принципиально иная модель - "приватизм", бурная социальная активность вне контроля государственных институтов (подробно об этом упоминается в журнале "Знамя", №5, 1994). В регионах, охваченных этнорелигиозными войнами, "приватизм" принимает форму "праздника непослушания", игнорирования любых законов, норм и запретов. Полевые командиры становятся деревенскими диктаторами. Целые регионы - Балканы, Кавказ, Центральная Азия - охвачены духом крестьянской войны с присущим ей аморализмом и беззаконием. Сюда же относится активность нелегального бизнеса, международный терроризм, отмывание денег, наркомафия. В этих условиях традиционные меры международного принуждения оказываются неэффективными. Например, в Ираке, несмотря на режим санкций, наблюдается настоящий торговый бум, созданный подпольными дельцами.

К таким традиционным субъектам мировой политики, как государства и союзы государств, в постблоковом мире прибавился целый ряд "неклассических" сил.

Прежде всего, - это региональные ансамбли - неформальные, географически-культурно-национальные объединения (например, Балканы, Закавказье, Центральная Азия). Извне они традиционно воспринимаются как нечто единое, хотя внутри этих ансамблей с переменным успехом идет жестокая борьба за доминирование. Такая двойственность не позволяет сформировать единую политику по отношению к региональному ансамблю как к целому, и мешает вести дифференцированную политику в отношении отдельных входящих в него стран. Поэтому региональные ансамбли легко превращаются в очаги нестабильности, особенно при этом развязывается информационная война.

Кроме того, большое значение приобрели, так сказать, "метасубъекты" мировой политики - духовные идентичности высокого ранга. Таковы религиозные единства (исламский мир, христианский мир, шииты и сунниты, православные и

католики. Именно эти общности склеивают региональные ансамбли в шаткое и опасное целое). Таковы большие расово-культурные общности (славяне, тюрки, чернокожие). Сюда же относятся идентичности чрезвычайно высокого ранга - "Восток", "Запад", "страны с рыночной экономикой", и так далее, вплоть до "мирового общественного мнения" и "всего человечества".

Конечно, это своего рода политические фантомы, одновременно реальные и неухватные. Разве можно быть славянофилом в точном смысле слова? Вряд ли можно любить одновременно православных болгар, поляков-католиков, униатов-украинцев, боснийских мусульман, а также тех русских крестьян, которые переселяются в Израиль, поскольку принадлежат к секте "субботников". Но славянский мир, тем не менее, существует не только в лингвистических атласах... Любой образованный мусульманин объяснит вам, что его религия не имеет никакого отношения к тому, что ежевечерне показывают по телевизору под названием "исламский фундаментализм" - который, тем не менее, существует не только как выдумка журналистов. Впрочем, фантомы часто оказывали на ход истории куда большее влияние, чем реальные вещи.

Значительную роль играют внутринациональные субъекты. Это этнические и этнорелигиозные единицы (этнические партии и движения, в том числе и вооруженные, организации диаспоры), криминальные организации, а также территориальные единицы, являющиеся отдельными действующими лицами на национальной сцене. Сюда же относятся политические и экономические организации, формально связанные с государством, а иногда и прямо являющиеся отростками от ветвей власти, но претендующие на самостоятельную роль во внутренних и международных делах. Это оппозиционные партии, активно действующие на международной арене как альтернативные представители своей страны, некоторые промышленные организации, а в пору смуты и борьбы за власть - отдельные государственные институты.

Кроме того, активизировались транснациональные субъекты. Это международные политические и экономические организации, либо вообще не связанные с теми или иными государствами, либо связанные косвенно (различные политические "интернационалы", легальные и

нелегальные транснациональные корпорации, международная преступность).

Все эти субъекты - разного масштаба и разного качества. Про некоторые из них можно спорить, существуют ли они на самом деле, не являются ли они результатом политологических изысков или плодом излишней бдительности служб безопасности. Важно другое. "Неклассические" субъекты, вступив на политическую сцену, решительно изменили правила традиционной мировой игры. В старую пьесу поспешно вписываются новые роли. В конце концов пьеса оказывается переписанной до неузнаваемости - под новых актеров.

Война и мир в постблоковую эпоху.

Сейчас трудно говорить о содержании войны в понятиях первой и второй мировых войн, то есть о войне между блоками государств, которая ведется на нескольких региональных театрах, сопровождаясь масштабной мобилизацией населения и радикальной перестройкой экономики в военных целях.

Пародией на блоковую войну была война в Персидском заливе. Ирак выступал в роли маленького СССР, а Кувейт - маленького Афганистана. Но, поскольку реальное блоковое противостояние к тому времени уже практически отсутствовало, эта война не переросла в настоящий межблоковый конфликт. К нему могла бы привести, например, попытка США и части мирового сообщества наказать СССР за вторжение в Афганистан или, наоборот, попытка СССР и другой части мирового сообщества наказать США за блокаду Кубы. Война в Заливе была похожа на пролог, сыгранный после того, как спектакль окончательно сошел со сцены. Что же касается войны в Афганистане, то это была генеральная репетиция постблокового вооруженного конфликта. Советскому Союзу противостояло не единое государство, а множество этнорелигиозных партизанских формирований, которые, ко всему, враждовали между собой. Поэтому после ухода советских войск из Афганистана война разгорелась с новой силой и перекинулась на соседний Таджикистан.

Современные этнические и этнорелигиозные войны принципиально отличаются от войн эпохи блокового

противостояния и вообще от классических межгосударственных войн.

Во-первых, субъектом войны (а значит, и субъектом мирного урегулирования, и субъектом систем безопасности) уже не выступает государство в целом, в единстве его институтов. Войну ведут иные, новые, "неклассические" субъекты мировой политики - этнические, этнорелигиозные, политические, криминальные организации и движения, как местные, так и трансрегиональные, или даже международные.

Если же в войну вовлечено государство как целое, то ему противостоит не другое государство или блок государств, а те самые "неклассические" субъекты мировой политики. Национальная армия ведет войну с этническими ополчениями, вооруженными политическими группировками или преступными синдикатами - таковы конфликты во многих странах Латинской Америки и Африки. Иногда ситуация становится еще более нестандартной. Международные организации (ООН и НАТО) воюют с полузаконными армиями (Югославия, Сомали).

Классические войны велись, в конечном итоге, за власть над территорией и живущим на ней населением. Постблоковые конфликты характеризуются множеством частных целей. Межплеменная резня в Африке, в Центральной Азии, в Югославии и на Кавказе - это перестройка локальных систем этнического доминирования, осложненная легальными и нелегальными экономическими интересами этнических элит. Эти элиты втянуты в клубок деловых операций как в своем регионе, так и далеко за его пределами. О государственном суверенитете речи уже нет.

Во-вторых, постблоковые войны являются не тотальными, а "частичными". Они ведутся вне рамок государственного суверенитета - поэтому законы военного времени устанавливаются по мере возможностей и разумения каждого отдельного полевого командира, и, естественно, только в подконтрольном ему районе. Всеобщая мобилизация и перестройка экономики проявляются в виде принуждения воевать и незаконных реквизиций в масштабах одной деревни или маленького городка. Возникает странный симбиоз воюющего и мирного населения, что характерно для гражданских войн в архаическом "деревенском" обществе. Бойцы легко превращаются в мирных граждан, и наоборот.

Дело не только в том, что оружие можно закопать в огороде, а камуфляж и каску сменить на цивильный пиджачок с вытертыми счетоводскими локтями. Дело в том, что щелканье затвором становится таким же простым и привычным делом, как щелканье костяшками счетов в правлении колхоза. Работа есть работа. Такая ситуация затрудняет борьбу с этническими ополчениями, но одновременно затрудняет формирование нормальной дисциплинированной армии на базе таких ополчений. Справиться с дудаевскими отрядами оказалось практически невозможно - но и Дудаев не смог, а Масхадов не может привести своих командиров под единое начало.

В-третьих, постблоковые войны, как правило, локальны. Расширение зоны конфликта означает втягивание в войну все новых и новых групп, которые чаще всего действуют нескоординированно. Во всяком случае, степень их координации недостаточна для того, чтобы говорить о единой войне на нескольких театрах. Поэтому фразы типа "абхазские и южно-осетинские сепаратисты вместе со звиадистами ведут войну против Грузии" - это не более чем метафоры.

Итак, постблоковые войны являются частными, частичными и локальными. Целью такой войны является удовлетворение частных интересов этнических, региональных или криминальных элит. Такая война захватывает лишь часть населения и ведется на более или менее ограниченном плацдарме.

Эти черты лишь утяжеляют ситуацию, делая постблоковые войны практически неликвидируемыми. Классическая война - наряду со всем злом, которое она приносила - объединяла нацию и упрочивала государственные институты. Постблоковая война разрушает национальное единство, заменяя его множеством разнонаправленных, конкурирующих этнических или религиозных консолидаций. Такие консолидации не приносят народу ничего, кроме опыта ненависти. Что же касается государственных институтов, то постблоковая война разрушает старые и практически не создает новых - ведь вряд ли можно назвать государственным институтом диктатуру полевых командиров или систему контрабанды оружия.

Постоянное перемешивание боевиков и мирного населения, независимость полевых командиров друг от друга и от собственных лидеров, мародерство, грабежи,

контрабанда оружия - все это создает атмосферу демонстративного, можно сказать, принципиального отрицания законов, норм и правил.

Блоковое противостояние создало военно-промышленные комплексы, об опасности которых говорилось много и справедливо. Но постблоковые войны попросту разрушают экономику. Зоны нестабильности - это самый привлекательный рынок оружия. Тем самым постблоковые войны препятствуют конверсии военной промышленности в третьих странах.

Само понятие о войне и мире радикально изменилось. Теперь речь идет о конфликтах внутри государств или об этнических конфликтах поверх государственных границ. Масштаб этих конфликтов выходит за рамки "домашних проблем" или приграничных столкновений. Нации, разрушенные внутренними войнами, все более теряют свой суверенитет. Вряд ли Босния и Герцеговина, Грузия, Афганистан, Таджикистан, Руанда или Сомали являются полноценными субъектами мировой политики. Тем самым мирное урегулирование по необходимости происходит "поверх суверенитета". Те лидеры и группы, которые еще недавно считались мятежниками в точном правовом смысле слова, теперь становятся полноправными участниками высоких собраний и переговоров.

Локальные военные конфликты, которые уносят тысячи жизней и огромные материальные ресурсы, мало-помалу начинают рассматриваться как некое неизбежное зло. Возникает симбиоз войны и мира на едином национальном или региональном пространстве. Поэтому трудно сказать, например, являются ли Грузия, Армения и Азербайджан воюющими странами. Но при этом во много раз возрастает значение информационных войн, которые являются неотъемлемым компонентом всех конфликтов, но, в большинстве случаев, никогда не прекращаются. Они могут только видоизменяться и совершенствоваться при использовании самых новейших технологий.

Ревизия суверенитета.

В постблоковом мире она происходит в двух направлениях.

С одной стороны, все более популярным становится пересмотр концепции "внутренних дел" государства. Мировое сообщество уже почти готово к тому, чтобы считать мир, международную безопасность, региональную стабильность и права человека областью глобального, всеобщего интереса. Наверное, это и есть переход к ответственному постблоковому мышлению. Создание международных миротворческих сил направлено именно к этому.

Прекрасная идея - окончательно вывести некоторые аспекты национальной политики из области "внутренних дел" и перевести их в область всеобщего ведения. Но в настоящее время она вряд ли реально осуществима, и вот почему. Некоторые страны и режимы весьма болезненно относятся к общеобязательным решениям мирового сообщества. Для таких режимов традиционные понятия о суверенитете и невмешательстве во внутренние дела - надежный инструмент для сохранения собственной власти. В этой связи создаются информационно подкрепляемые мифы о "всемирном заговоре" с целью покончить с той или иной нацией, цивилизацией, религией. Но наряду с мифами раздаются и вполне резонные обвинения в применении двойного стандарта. В самом деле, если нет универсальной международно-правовой нормы, то неизбежно возникают конъюнктурные политические решения, которые в конечном итоге основаны на праве сильного.

Кроме того, мировое сообщество проявляет вполне понятную нерешительность в проведении полномасштабных военных операций по установлению мира и стабильности. Дело не только в том, что идея глобальной ответственности еще не стала общепринятой. Военная миротворческая операция легко и незаметно перетекает в просто военную. *"Несите бремя белых, восставьте мир войной"*, - призывал Киплинг. Но западные демократии - даже если отбросить все политические и моральные соображения - попросту не хотят жертвовать своими гражданами ради установления мира где-то за морями. *"Президент Клинтон вряд ли решится послать американских солдат в Боснию сейчас, когда начинается предвыборная борьба"*, - писала газета "Вашингтон Пост" летом 1995 года. Рассуждение возмутительное с точки зрения прожженных геополитиков, привыкших воевать указательным перстом на карте. Но с обывательской точки зрения здесь все правильно. Босния? Ради чего? Если

расширение НАТО утонет в бесконечных процедурах и согласованиях, то причиной этому будет не столько позиция руководства других стран, сколько мнение американского избирателя-обывателя, для которого Варшава, Братислава и Киев - звук пустой. Пустой и страшноватый, отдающий гулким стуком комьев глины о крышку гроба. Кстати, украинский обыватель точно так же боязливо-равнодушен к заморским трагедиям и к политическим играм вокруг них.

С другой стороны, наряду с ослаблением ценности суверенитета, происходит ее усиление в иной области. "Право народов на самоопределение", родившееся в эпоху кризиса европейских империй, сейчас получило новый импульс. В ходе распада СССР и Югославии антиимперский энтузиазм был усилен антикоммунистическим пафосом. В результате этнические группы стали носителями суверенитета. Катастрофа Югославии - это прямой результат безответственной и бездумной спешки в демонтаже маленькой коммунистической империи.

Но ведь право народов на самоопределение - это не право в строгом юридическом смысле, как, например, избирательное право. Его трудно сравнивать даже с такими, в общем-то, расплывчатыми категориями, как права человека или социальные права. Это некая международно-правовая ценность, своего рода синоним понятия "суверенитет". Оно возникает *post factum*, после того, как некий народ достиг независимости. *"Смотрите на нас, аплодируйте нам - мы реализовали наше право на самоопределение!"* Но до этого речь может идти лишь о сепаратистских поползновениях.

Ясно, что государственный суверенитет и право народов на самоопределение - это две конкурирующие концепции, и их использование всегда связано с политической конъюнктурой. Там, где желательна дезинтеграция противостоящего государства (случай СССР и отчасти Югославии), - признается суверенитет самоопределяющихся меньшинств. В противоположной ситуации делается упор на суверенитет существующего государства (например, позиция Запада в курдском вопросе). Но если явно нельзя добиться своих целей - развязывается информационная война, которая решает те же задачи, но иными методами.

Новые агрессии.

Классическая агрессия - полномасштабное нападение одного государства на другое - практически ушла из мирового обихода. Время от времени возникающие пограничные стычки не определяют ситуацию в области мира и безопасности. Но на смену традиционной агрессии пришли агрессии нового типа.

По справедливому замечанию Президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, в наши дни мир столкнулся с дотоле невиданным типом агрессии - с агрессией меньшинства. Этнические группы, стремящиеся к независимости, получают не только оружие из теневых источников. Они получают нечто более важное - поддержку мирового сообщества. Конечно, эта поддержка не всегда бывает прямой - материальной или политической. Иногда дело ограничивается своего рода "концептуальной поддержкой", то есть созданием благоприятной моральной атмосферы для агрессии меньшинств, а это уже является элементом действий в информационной сфере.

Не слишком уж теоретизируя, хотелось бы отметить следующее. Агрессия меньшинств в узком смысле - то есть вооруженная борьба сепаратистов - развивается в более широком контексте. Этот контекст - чрезмерный упор на права и интересы меньшинств, иногда в ущерб правам и интересам нации в целом. Не так давно в США возникла идея дополнить конституцию поправкой примерно следующего содержания: *"Никто не может подвергаться дискриминации или получать льготы по причине расы, этнической принадлежности, страны происхождения, религии, пола и т.п."* Этот проект подвергся яростной критике со стороны либералов, для которых вина перед меньшинствами превратилась в хорошо оплачиваемую профессию.

Но не может быть полностью суверенной нация, внутри которой идет бескомпромиссная борьба этнических, религиозных и других коммунальных групп ("коммунальная группа" - удачный термин Тэда Гурра для обозначения групп с отчетливой и прочной коллективной идентичностью). Хрупкое равновесие в любой момент может быть нарушено - например, несоразмерно жесткой реакцией большинства. Собственно, мы это уже наблюдаем. В национальном аспекте это создание специфических вооруженных группировок (американские белые "милиции", российское и украинское казачество). В интернациональном аспекте - сербский реванш

на Балканах, возможный русский реванш на постсоветском пространстве, фундаменталистский реванш в исламском мире как реакция на десятилетия господства чуждых народу европейски ориентированных группировок.

С особыми правами меньшинств неизбежно связаны проблемы миграции. Льготы для беженцев по национальному принципу ведут к резким переменам на мировых рынках труда. А суровые ограничения, которыми обычно заканчивается период широких льгот, вызывают политическую нестабильность и в странах-донорах, и странах-реципиентах. Яркий пример - иммиграция в США из Сальвадора (и некоторых других стран Центральной Америки). Об этом стоит рассказать чуть подробнее. Американская бюрократическая мысль сделала невероятный пируэт - нелегальные иммигранты получают удостоверения "нелегальных иммигрантов". Это открывает им доступ к страховой медицине, образованию и некоторым другим весьма скромным благам. Но льготы для "официальных нелегалов" вызвали раздражение и у социальных служб США, и у небогатых белых налогоплательщиков. На свет появилась так называемая "калифорнийская инициатива - 187", заталкивающая сальвадорцев в положение совершенно бесправных нелегалов - имеющих, однако, право трудиться на грязных работах безо всяких социальных гарантий. Лицемерие этой инициативы очевидно, она вызвала протесты, пикеты и митинги, и она вряд ли превратится в закон. Но важно другое. Сальвадорцы, работающие в США, посылают домой значительное - по масштабам Сальвадора, разумеется - количество денег. Это существенно поддерживает экономику этой маленькой страны, а может быть, даже обеспечивает ее выживание. Ограничения иммиграции, а тем более высылка нелегалов, немедленно создадут экономическую нестабильность в Сальвадоре, что закономерно вызовет новую волну эмиграции.

Итак, мы видим, что существуют своего рода "косвенные агрессии". Собственно говоря, агрессия в общем смысле - это действия, пусть даже не военные, но заставляющие противника или соседа напрягать силы, идти на чрезвычайные затраты, мобилизовать ресурсы. Противник или сосед вынужден делать это, чтобы сохранить свою национальную, культурную идентичность, защитить права собственных граждан. Парадокс заключается в том, что никто этому, казалось бы, напрямую не угрожает. Угроза

исходит от регионов нестабильности, от этих "черных дыр" на политической карте мира, которые поглощают гуманитарную помощь и миротворческие ресурсы и выбрасывают потоки беженцев.

Тем самым страна, принимающая непомерное количество иммигрантов или вынужденная нести неподъемное бремя материальных расходов, подвергается косвенной агрессии - исходящей не от агрессора как такового, а от резонанса внутренних конфликтов в соседней стране (примером является Украина, в которую устремлен поток беженцев с Северного Кавказа). Таким образом, дезинтеграционные процессы внутри той или иной нации могут обойтись мировому сообществу ненамного дешевле, чем непосредственная агрессия.

Собственно, мировое сообщество уже почти готово воспринимать внутренние конфликты как прямую и явную угрозу международному миру. Что же препятствует установлению надежных систем контроля мировой стабильности? (О понятном нежелании лидеров западных демократий ссориться со своими избирателями уже упоминалось).

Во-первых, этому мешают традиционные представления о суверенитете и о праве народов на самоопределение, о чем говорилось ранее.

Во-вторых, поверх государственных границ возникают сложные региональные - а иногда и трансрегиональные - системы этнокультурных и этнорелигиозных связей. Их пока невозможно игнорировать. Это стало особенно ясно в ходе югославской войны. Иметь дело с сербами означает иметь дело с Россией, которая вдруг вспомнила о прошловековой идее славянско-православной солидарности. Идея эта сама по себе достаточно экзотическая, да и братья-славяне далеко не всегда демонстрировали ответные чувства к России - распад Восточного блока выявил это во всей неприглядной очевидности. Но, как бы то ни было, фантом панславизма информационно взят на вооружение Россией, и с этим приходится считаться. Более того, вооруженные акции против боснийских и краинских сербов Россия склонна воспринимать как некий оскорбительный намек, как наплевательское отношение к ослабшему колоссу, и уж только потом - как отвратительное избиение мирного населения.

Таким образом, в-третьих и в-главных, контролю над нестабильными регионами мешают существенные распри между возможными контролерами, неудовлетворенные амбиции вершителей мировых судеб. Не исключено, что драка между миротворцами в один прекрасный миг может заслонить собою тот конфликт, ради которого они пришли в какую-нибудь маленькую, доедаемую межплеменными войнами страну.

Чувство безопасности.

Это чувство, весьма деликатная и трудноуловимая материя, в последнее время начинает играть все большую роль как фактор, объясняющий поведение и отдельных этнических групп, и целых наций, и даже больших расово-культурных и цивилизационных объединений. Вообще чувство безопасности - это сильнейший мотив национального поведения. Оно обусловлено не только прямой и явной угрозой, но, в немалой степени, общей ситуацией в регионе и в мире - теми "косвенными агрессиями", о которых говорилось только что.

В блоковый период чувство безопасности принадлежало блоку в целом и проявлялось в виде соответствующих внешнеполитических идеологий - "атлантической солидарности" стран НАТО и "социалистического интернационализма" стран Варшавского пакта. (Разумеется, это лишь общая картина - у Франции была особая позиция в НАТО, у Румынии - в соцлагере; европейцы жаловались на американский диктат, "братские социалистические страны" - на советский). Страны, непосредственно не включенные в эти союзы, ориентировались либо на демократическую, либо на коммунистическую мировую систему. Третий мир, оказавшись полем конкуренции этих двух систем, также разбивался на две более или менее четко прорисованные части. Национальные концепции безопасности, при всем множестве их различий, в целом вписывались в единые рамки блокового восприятия безопасности.

Но теперь единые блоковые представления о безопасности рассыпались на множество частных концепций. Если бы речь шла только и исключительно об отдельных странах, это было бы еще полбеда. Эти частные концепции в принципе можно было бы сбалансировать в рамках традиционных представлений о государственном

суверенитете и о государстве как едином субъекте мировой политики.

Однако сейчас собственным чувством безопасности обладает практически каждая этническая, этнокультурная, религиозная, и вообще каждая коммунальная группа. Даже духовные общности высокого ранга (Запад, Ислам и т.п.) так или иначе заявляют о собственном чувстве безопасности. Все эти реальные и фантомные субъекты образуют весьма сложные и непостоянные союзы - столь же сложны возникающие внутри этих союзов ансамбли частных концепций безопасности. Часто они в принципе не могут сложиться в сколько-нибудь единую, непротиворечивую и стабильную систему национальной безопасности.

Яркий пример - ситуация в Грузии. Разумеется, Эдуард Шеварднадзе, говоря об агрессии меньшинств, прежде всего, имел в виду свою страну, чей суверенитет находится под угрозой (если вообще существует) в связи с фактическим отделением Абхазии и сепаратистским движением в Южной Осетии.

Таким образом, безопасность Грузии превращается в безопасность для этнических грузин. У Абхазии и Южной Осетии собственное видение своей безопасности. Для Южной Осетии это присоединение к Северной Осетии. Для Абхазии - либо вхождение в Российскую Федерацию, либо присоединение к проектируемой Кавказской Конфедерации, либо - как максимально возможный компромисс - федерализация Грузии. Не исключено, что в некий решающий момент грузино-абхазского урегулирования станет окончательно ясно, что каждая из этих концепций выражает интересы определенных военно-политических группировок, имеющих различные связи с российскими силовыми структурами.

Нельзя игнорировать также проблему звиадистов. Их движение в целом подавлено. Звиада Гамсахурдиа нет в живых, но нельзя утверждать, что Западная Грузия целиком поддерживает режим Шеварднадзе. Для звиадистов чувство безопасности заключается в укреплении жесткого националистического и антироссийского режима, который пытался установить их свергнутый и погибший (убитый? покончивший с собой?) лидер. Шеварднадзе более реалистичен - несмотря на все его проклятия по адресу режима Ардзинбы и стенания по поводу того, что Грузию

поставили на колени, заставив войти в СНГ. Но и в руководстве Грузии тоже нет единства. Лидеры крупных военно-политических группировок сыграли огромную роль в приходе Шеварднадзе к власти - но они обладают собственным взглядом на безопасность Грузии. Отсюда бесконечные разборки Шеварднадзе с бывшими союзниками, едва не стоившие ему жизни в сентябре 1995 года.

В связи с ситуацией в Грузии нельзя забывать еще один важный момент. Осуждая агрессию меньшинств, Шеварднадзе, по существу, применяет двойной стандарт. Ведь грузинский народ тоже был меньшинством внутри Советского Союза и ранее - внутри Российской империи. Таким образом, отделение Грузии несло в себе угрозу "общесоюзной", "общеперсской", а значит, говоря грубо и откровенно, славянской безопасности.

Если мы отбросить всю чехарду причин, следствий и моральных оценок, то останется сухая констатация факта - нынешнее развитие событий на Кавказе, во многом обусловленное отделением Грузии, несет в себе угрозу безопасности другим странам. Поэтому, например, Россия вынуждена увеличить количество войск и боевой техники в этом регионе. Но тем самым нарушается Договор об обычных вооружениях в Европе, в части так называемых "фланговых ограничений" (речь идет об ограничении вооружений, как назло, именно в этом беспокойном месте). Но это, естественно, задевает чувство безопасности Турции, которая представляет южный фланг НАТО.

Итак, на примере Грузии хорошо видна динамика распада общей концепции безопасности - а значит, и общей ее системы. Распад суверенитета сопровождается появлением множества конкурирующих концепций безопасности внутри одной страны. Каждая группа выходит на политическую арену со своим собственным чувством безопасности - иногда она и выходит на Божий свет только затем, чтобы агрессивно заявить об этом. Групповые (этнические, религиозные, корпоративные и т.п.) концепции безопасности пересекают государственные границы, и в результате в регионе складываются сложные "ансамбли безопасности". Эти ансамбли чрезвычайно динамичны и негармоничны - по сути дела, это настоящие "ансамбли опасности". Собственно говоря, и само чувство безопасности проявляется негативно - как стремление устранить ощущение угрозы. А это, в свою

очередь, требует соответствующего информационного обеспечения при реализации намеченных стратегических и тактических планов.

Изменились и сами объекты, с которыми связано чувство безопасности (или ощущение опасности). В эпоху блокового противостояния это было ощущение угрозы существованию огромного политического сообщества, с которым личность фактически связывала свою судьбу. Эта угроза исходила от столь же громадного обобщенного противника (от "коммунистической опасности" или, соответственно, "мирового империализма"). Сейчас это чувство связано прежде всего с соседними этническими и религиозными группами. Реже - с более абстрактными символами, такими, как "американское господство", "имперские амбиции России", "исламский фундаментализм", "расползание ядерного оружия". Впрочем, и в этих случаях часто имеются в виду вполне конкретные субъекты, хотя, по сути, каждой из заинтересованных сторон ведется активная информационная война.

Итак, блоковая система безопасности распалась. Но возникшие на ее месте несбалансированные "ансамбли безопасности" теперь разрушают новые независимые государства, что, в свою очередь, вызывает новые угрозы.

Национальный интерес.

В мире осталось не так уж много счастливых стран, которые пока еще этнокультурно однородны (например, Германия), либо пока еще обладают мощной общенациональной идентичностью (например, США). Только в этом случае государство выступает как единство территории, населения и политической власти. И только в этом случае можно всерьез говорить о едином национальном интересе или об иерархии национальных интересов - экзистенциальных, витальных, стратегических, тактических (по классификации Ч.Фримена).

На большей части посткоммунистического и постколониального ареала государства представляют собой поле конкурирующих субъектов, причем это пространство конкуренции не ограничено масштабами страны, а представляет собой неотторжимую часть регионального ансамбля, включая противоборство в информационной сфере.

Законные правительства уже не являются единственными выразителями национального интереса. Иногда они даже не являются наиболее значительными представителями своих наций. Некоторые влиятельные группы имеют свои интересы в регионах, охваченных гражданской войной. Эти интересы несовместимы ни с установлением мира, ни с национальными интересами вовлеченных стран. Однако эти группы способны эффективно воздействовать на принятие политических решений. Можно подумать, что речь идет об армии и о военно-промышленном комплексе - но это не так. Вернее, не совсем так. И армия, и ВПК - эти монолиты коммунизма - распались вместе с СССР и превратились в сложный конгломерат враждующих военно-коммерческих группировок. "Кому война, а кому мать родная".

"Неклассические" субъекты мировой политики активизируются все сильнее, и они уже фактически признаются правительствами многих весьма стабильных государств - тех государств, где пока не возникает проблема распада нации на конкурирующие группы.

Возникает довольно интересный парадокс - некое стабильное сильное государство, желая вести миротворческую политику в неких отдаленных "горячих точках", усаживает за стол переговоров и законное правительство, и вождей сепаратистов, лидеров враждующих группировок, мятежных полевых командиров. Прекратить насилие путем переговоров - замечательно. Но тем самым мятежники, сепаратисты и террористы становятся полноправными участниками политического процесса. Это их существенно взбадривает.

Более того. Политическое признание подобных групп воодушевляет сепаратистов и военно-политических диссидентов в тех самых стабильных сильных государствах, где "балканский вариант", кажется, невозможен в принципе. И все же, все же... Белые и черные расисты в США уже требуют территориальной автономии для своих общин. Вряд ли в обозримом будущем их лидеры сумеют организовать какой-нибудь сговор в Йеллоустонском парке (вроде нашей Беловежской пуши). Но семя брошено. Если можно признать Караджича и Дудаева, отчего не признать Луиса Фаррахана (черна "Нация Ислама") и Нормана Олсона (белое "Мичиганское Ополчение")?

Итак, национальный интерес рассыпается. Мало того, что он не един. Он уже не является ни суммой, ни балансом, ни даже компромиссом групповых интересов внутри нации или в рамках региона. Речь может идти только об ансамбле интересов, то есть об их конкурентном сосуществовании. Практически любой субъект - незначительный или даже нелегальный - может найти положительный отклик в какой-то точке широкого спектра субъектов, действующих в данном регионе. Такие "короткие замыкания" немедленно реорганизуют весь ансамбль интересов, и прежняя ситуация в значительной мере девальвируется. Такова ситуация на Кавказе и в Центральной Азии. Местные лидеры становятся то "вождями народа", то "ставленниками Империи", то "командирами бандформирований", то "эмиссарами зарубежных центров" и снова движутся по этому замкнутому маршруту.

Распад единого национального интереса делает национальную политику фрагментарной и несогласованной. Например, политика России по отношению к Северному Кавказу и Закавказью состоит из нескольких направлений, каждое из которых вырастает в "отдельную политику". Это политика федерального центра, который в ходе грузино-абхазских, азербайджано-армянских, осетино-ингушских и российско-чеченских переговоров хочет покрепче привязать Кавказ к России. Доминантой этих переговоров является вывод российских войск из региона.

Это политика высшего военного командования, которое, напротив, стремится укрепить российское военное присутствие в регионе с целью контроля Юга России и закавказских границ, которые после распада СССР фактически стали границами России.

Это политика местных российских военных властей. У них в регионе свои собственные, далеко не стратегические интересы.

Это политика северокавказских республик по отношению к братьям-абхазам, братьям-осетинам, братьям-лезгинам и, эвентуально, к единоверцам-азербайджанцам и аджарцам. Эти республики формально являются частью России, и поэтому их политика тоже рассматривается как российская, хотя по существу она противоречит и политике федерального центра, и политике высшего армейского командования. При этом внутри северокавказских республик

существуют различные движения, по-разному относящиеся и к абхазскому вопросу, и к Москве, и к местным военным властям. Наблюдатели говорят о прочных деловых связях между местными этническими элитами и российскими военными властями. Результат этих связей - широкая контрабанда оружия в регионе.

Наконец, в кавказских делах все более активное участие принимают казаки, которые играют здесь двойную роль. С одной стороны, они укрепляют русское присутствие в регионе и тем самым служат интересам федерального центра, стремящегося сохранить территориальное единство страны. Но, с другой стороны, у казаков есть собственные территориальные амбиции, которые могут поставить страну перед необходимостью новой федеративной реформы.

Сбалансировать эти политические тенденции практически невозможно. Поэтому правительство поневоле превращается в группу быстрого реагирования, отвечая - и не всегда впопад - на удары и вызовы со всех сторон. Некоторые действия федеральных властей в прошлом выглядели, мягко говоря, нестандартно. Например, выдача ордера на арест Дудаева и одновременно - переговоры с его официальными представителями.

Можно возразить - такова-де реальная политика. Но, скорее всего, такова новая политическая реальность. Мир пока еще не вступил в "эпоху полевых командиров", но ее основные параметры уже очерчиваются. Например, правительство из средоточия власти превращается в еще одного участника борьбы за контроль над национальными ресурсами.

Все это пока происходит в посткоммунистическом и постколониальном ареале. Но грандиозные миграционные потоки меняют облик всего мира. Они выносят на своем гребне наркомафию и терроризм. Они намывают острова иных культур в старых Северо-Западных архипелагах. Они навязывают Европе и Америке жалкое самоощущение дряхлой и много нагрешившей цивилизации - и вместе с тем провоцируют расизм, национализм и ксенофобию, тем самым, раскалывая систему европейских ценностей. Поэтому и развитые западные демократии тоже будут переживать распад прежде единых национальных интересов. Будущему руководству Украины не следует об этом забывать.

Перспектива.

Она туманна и печальна одновременно.

На всемирной политической ярмарке наибольшим спросом пользуются радикальные модели этнической, религиозной или цивилизационной солидарности. Но эта солидарность, временная и эгоистичная, вряд ли сможет стать базой для новых, крупных и стабильных военно-политических блоков.

Кстати, если Россия всерьез опасается экспансии НАТО, то можно было бы этому не противиться, а наоборот, порекомендовать туда - вдобавок к Восточной Европе - еще Украину и Молдову. Судьба такого блока будет предreshена. Впрочем, НАТО может развалиться и без дипломатических хитростей. Во всяком случае, всемирным полицейским, судьей и судебным исполнителем оно не станет. Не сможет стать - слишком пестр, хаотичен и хорошо вооружен тот политический водоворот, в котором НАТО воображает себя островком стабильности. Холодная война закончилась - холодный мир не настанет. Настало время после войны и мира. Великое демократическое "можно" и могучее тоталитарное "нельзя", столкнувшись, сильно ушибли друг друга. Пока они залечивают раны, в мире царит веселое разбойное "наплевать".

Никто, естественно, не прославляет войну и не призывает к ней - неприлично. Но идею мира во всем мире тоже никто всерьез не воспринимает - глупо. "Ни мира, ни войны, но патронов не жалеть" - таков реальный лозунг дня.

Но ничто не длится вечно. Ни война, ни мир, ни кровавая перетасовка вооруженных этнических и религиозных движений в эпоху после войны и мира. Другое дело, что эта эпоха будет достаточно долгой. Она закончится, когда перестроятся мировые системы доминирования, когда враждующие этносы научатся сосуществовать хотя бы из чувства самосохранения, и когда "приватизм" станет привычным и респектабельным способом политического поведения, превратится в "новый этатизм".

Дай Бог, чтобы в этих новых и неведомых обстоятельствах нынешняя резня не показалась утраченной свободой, а холодная война - потерянным раем. Но это уже

не прогноз, а упование, ибо информационные войны сегодня остановить практически невозможно.

Глава 8. От насилия к терпимости.

Самое сложное в метаморфозе насилия - это одновременность, коллективность типа поведения. Коль скоро общие правила реализуются поведением большинства, возникает качественно новая ситуация: социальная идентичность индивидов.

Общие правила социальной жизни - это, конечно, насилие над волей индивидов, но такое насилие, которое может быть внутренне принято ими, оправдано с нравственной и правовой точек зрения и тем самым превращено в свою противоположность: став результатом нравственного и правового выбора, общие правила оказываются стержнем и базисом социальной свободы.

Исторически складываются различные типы обществ, в которых отношение к насилию становится основополагающим признаком социальной структуры.

Э.Фромм, опираясь на исследования выдающихся этнографов и антропологов и систематизируя данные о тридцати первобытных племенах, выявил системы трех разных типов отношения к агрессивности и миролюбию:

- система А - жизнеутверждающее общество;
- система В - недеструктивное, но агрессивное общество;
- система С - деструктивное общество.

В системе А того, кто ведет себя недружелюбно или агрессивно, считают ненормальным. Для такого общества характерны: коллективное выполнение работ, стабильность браков, стремление делать друг другу подарки, главной ценностью считается сама жизнь и все живое. Важнейшее место в системе А занимают песни, ритуалы и танцы. Мифы и легенды никогда не рассказывают об ужасах и опасностях. Иной социально-психологический строй жизни складывается в системах В и С.

В традиционном обществе социальная идентичность становится результатом социального выбора. Ценностные предпочтения большинства определяют тип социального поведения. Информационное общество имеет определенные принципиальные отличия. Информация в ее различных формах оказывает влияние на основные стороны общественной жизни. Власть информации отличается от связанной с насилием политической и экономической власти. Это власть знания. В силу этого правомерно говорить об информационной стадии общественного развития.

Информационное общество обычно рассматривают как разновидность постиндустриального общества, характеризующегося универсальным охватом жизни информационными технологиями. Они создают предпосылки формирования такой среды, в которой человек получает возможность постоянно развивать свои творческие способности. Возникают практические проекты создания нового образа жизни. Японский исследователь Инеи Масуда выдвигает идею Компьютопии (аббревиатура слов "компьютер" и "утопия") - создания новых городов с инфраструктурой информационного общества. Основная цель - обеспечение процветания творческих способностей человека. Очевиден контраст этой стратегической цели с потребительским обществом, где главной целью считается материальное изобилие.

Какое место будет занимать насилие в информационном обществе? Ответ на этот вопрос связан непосредственным образом с определением сущности информационного сообщества. О нем имеет смысл говорить как о реальности, поскольку оно опосредует образ жизни человека, придает ему свою специфическую "траекторию". Культура информационного сообщества позволяет обеспечивать осмысленное взаимодействие, синхронизацию деятельности различных частей социального организма. Нарушение связей в структуре информационного сообщества приводит ко все более глубоким негативным последствиям.

Термин "сообщество" в данном случае употребляется для того, чтобы подчеркнуть его отличие от естественной и социальной общности, характеризующейся наличием внешних эмпирических различий взаимодействующих субъектов. Вне этих различий бессмысленно говорить о семейной общности, производственном коллективе,

социальной организации. В информационном сообществе исходным является не внешнее эмпирическое различие взаимодействующих субъектов, а их тождество, основанное на общности знаний и ценностных ориентаций. Субъекты информационного сообщества образуют специфическое внутреннее тождество независимо от их естественных, социальных, этнических и иных различий. Так, современные информационные сети могут объединять сотни тысяч владельцев персональных компьютеров, получающих доступ к информации, содержащейся в центральной ЭВМ. Современные банковские системы, основанные на использовании информационной техники, позволяют каждому, имеющему соответствующую кредитную карточку, получать наличные в любом из автоматов, установленных в данной стране и за рубежом. Индивиды здесь образуют сообщество, не вступая в непосредственный контакт и не зная друг друга. Такого рода отношения становятся важнейшим фактором формирования новой цивилизации. И, очевидно, в структуре таких отношений применение насилия не может дать какого-либо выигрыша. Вместе с тем, поскольку информационное сообщество создает условия для превращения в "свой мир" основных регионов мира, оно требует закрепления нравственной и правовой эмпатии (внутреннего контакта), обеспечения доступности информации на разных языках, постоянного развития и совершенствования информационной инфраструктуры.

Со становлением информационного сообщества неразрывно связана деятельность, направленная на создание идеального продукта, для которого материальное является лишь внешней оболочкой. Все более массовое производство и распространение идеальных предметов - это, по сути дела, создание продукта, который не исчезает при своем потреблении. Это новое социальное явление, последствия которого трудно оценить во всей полноте. Очевидно одно: что традиционная борьба за обладание материальными ценностями и связанное с ней насилие должны претерпеть глубокую трансформацию в этой сфере. Соответственно претерпевают изменения и представления об экономически господствующих классах, поскольку общество теперь определяется в точках соединения науки, производства, финансов, кадровых и материальных ресурсов.

Возникают новые тенденции и в распределении власти. Власть начинает сливаться с субъектом, который является

носителем компетентности. Предпринимательство, управление становятся тем видом деятельности, которая непосредственно связана с умением производить и использовать информацию. Происходит глубокая ревизия традиционных типов внешней (предметной) и внутренней (духовной) самоидентификации личности. Человек теперь утверждает себя путем постоянного заполнения информационного вакуума, превращаясь в интеллектуальную сущность, которая взаимодействует со своим окружением. Физическая сила человека становится лишь фактором здоровья, физической культуры, а нравственная сила тяготеет к нахождению компетентных решений возникающих социальных проблем. На этой почве возникает определенный духовный кризис, связанный с тем, что в системе отношений информационного сообщества снижается значение и индивидуальности как самостоятельной ценности. Формализация и алгоритмизация входят в структуру бытия широких слоев населения. Поведение становится все более конформным. Происходит сдвиг в сторону повторяющихся ритмов жизни, признания пользы и удобства общепризнанных тривиальностей. Это относится и к взаимодействию граждан и социальных институтов, которое регулируется теперь социальной информацией. Социальная информация входит в само понятие власти.

Это оказывается верным и применительно к возросшим техническим возможностям влияния человека на окружающий мир. Возникает необходимость адаптации понятия "виртуальная реальность" к системе информационного обеспечения. Виртуальную реальность в этом смысле следует понимать как действующую возможность. Если, например, эпидемия СПИДа охватит большинство населения определенной страны, то можно предвидеть, что эта страна станет "свободной" от человеческого присутствия. Судьбы народов во все большей степени начинают зависеть от осмысления виртуальной реальности и коррекции своего поведения. Это меняет традиционные механизмы внешнего давления на социальное поведение. Происходит медиатизация политики. Технотелемедиумы - все множество технологий передачи информации путем изображения и звука - начинают играть определяющую роль в исходе политических схваток и конфликтов.

Новый смысл обретает сегодня и традиционный вопрос: "Что есть истина?" Если раньше истина определялась характером религиозного откровения или принципами разума, то теперь она зависит от того, в каком информационном поле оказывается человек.

Под информационным полем следует понимать то пространство, в котором действуют носители информации, способные вызвать ее восприятие, индуцировать тип образа жизни и направленность действий. Индивиды теперь узнают друг друга и определяют свое внутреннее тождество по типу информационного поля, в котором они находятся. Разрыв с традиционными детерминантами в определении жизненных предпочтений особенно наглядно проявляется у так называемых "фанатов"! Их субъективный выбор становится для них приоритетом. Они как бы сливаются с символом, который может иметь облик человека или даже предмета.

Все это радикально меняет структуру социального самоопределения. Раньше оно отталкивалось от общей истины бытия, разделения всех явлений на истинные и неистинные. Влияние информационных полей ставит все явления культурной реальности рядом друг с другом, делая их потенциально равнозначными.

Информационная открытость современного мира становится той аркой, через которую осуществляется контакт традиционных культур с современной информационной культурой, обеспечивая возможность постоянного их диалога. В этом состоит шанс предотвращения глобального столкновения цивилизаций. Но в этом и опасность достижения побед в информационных войнах.

В процессе своего цивилизационного развития человек вышел за рамки естественных законов, определяющих отношения в мире животных. В нем различные виды хищных животных имеют в качестве пьедестала своего бытия популяцию травоядных, играя роль их "санитаров". Если исчезнут травоядные, погибнут и хищники; не будет хищников, начнется биологическая деградация травоядных.

Человек находит такие источники существования, которые не связаны непосредственным образом с уничтожением животного мира. Вместе с тем в целом как вид он находит источники своего существования в различных формах биосферы.

Формируя свой мир, определяя его измерения и качества, человек развивает у себя способности сужать сферу использования насилия. Использование насилия как решающего средства достижения величия создало свою историческую инерцию в человеческих отношениях. Набирая силу вместе с ростом технического могущества, эта инерция привела человечество к потенциальной возможности собственного самоубийства. В этой критической ситуации возникает новый аспект понимания человеком собственной сущности. Давно известно, что сущность человека можно описать лишь с помощью противоположных категорий. Но лишь в XX веке возникает тезис, согласно которому все противоположные категории, в конечном счете, сводятся к основной биологической дихотомии между инстинктами, которых человеку недостает, и самосознанием, которого бывает в избытке. Избыточность самосознания увязывается с другим трагическим раздвоением: между чувством свободы и чувством ответственности, между добром и злом, радостью жизни и экзистенциальным страхом, порождающим глубокое отчаяние.

Горе от ума становится теперь горем от наличия в человеке разума, способности осознать трагическую сущность своего бытия и неспособности определить основания его подлинной надежности.

Те формы насилия, которые носят глобальный характер и ставят под угрозу существование человечества, непосредственно связаны с попытками найти основания абсолютной надежности. Эта ситуация ставит под сомнение представления, согласно которым позитивные качества, такие, как взаимное доверие, сотрудничество и альтруизм, вмонтированы в структуру нервной системы (Р.В.Ливингтон), или что существует биологическая совесть (К. фон Монаков), обеспечивающая стремление к совершенствованию, радость и чувство безопасности.

Сегодня, видимо, необходим новый взгляд на природу исторически сформировавшихся цивилизаций. Их следует рассматривать в качестве тех социальных форм, в которых потенциальная война всех против всех превращается во взаимодействие индивидов в соответствии с определенными правилами общественной игры.

Информационное общество - это новая цивилизационная реальность, которая соединяет константы

жизни локальных цивилизаций и информационные универсалии. Это такое общество, которое может выжить лишь в том случае, если превратит толерантность из индивидуальной установки человека в образ жизни социума.

Вместе с тем становление информационного общества создает предпосылки информационных катастроф. Это могут быть катастрофы технические, связанные с неполадками в информационных системах и программах, но это могут быть и катастрофы гуманитарные, связанные с разрушением нравственного и социального кода, обеспечивающего гармоничное развитие общества.

Если мы правильно осознаем специфику информационного сообщества в контексте обострения глобальных проблем, то мы уже сегодня должны двигаться тем путем, который ведет к нейтрализации грозного потенциала информационных войн и цивилизационных катастроф, возникающего и накапливающегося в процессе стихийного развития. Вместе с тем все мы сознательно должны работать над созданием адекватных механизмов, ограничивающих сферы действия насилия, с одной стороны, и расширяющих поля толерантности - с другой.